

РОМАН ЗЛОТНИКОВ

НАСТОЯЩЕЕ
ПРОШЛОЕ

ОДНАЖДЫ В АМЕРИКЕ

Роман Валерьевич Злотников
Настоящее прошлое.
Однажды в Америке
Серия «Настоящее прошлое», книга 3
Серия «Фантастика.
Альтернативная история»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67698470
ISBN 978-5-04-165384-2

Аннотация

После выходки с Ельциным в Верховном Совете Роману Маркову приходится уехать из России. Что ждёт его за границей? Как он сможет там прижиться? Надолго ли задержится? Читайте и узнаете.

«Всё, изложенное в этой книге – есть полная и абсолютная фантазия»

– Р. Злотников

Как бы не так!

Автор переносит нас в дни своей юности, наполненной музыкой, спортом, любовью и планами на светлое будущее, поэтому в книге правды больше чем обещают первые строки.

Продолжение цикла про попаданца в СССР. Третья книга о старом успешном мужчине, который переместился в четырехлетнего мальчика, повзрослел и решил кое-что поменять. Теперь он вынужден покинуть Родину, что ждет его дальше?

Содержание

Глава 1	18
Глава 2	40
Глава 3	61
Глава 4	81
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Роман Злотников

Настоящее прошлое.

Однажды в Америке

– А вот скажите мне, junior's, кто из вас знает, сколько педалей было у «Жестянки Лиззи»?

Майкл и Уинтроп удивленно переглянулись. Вопрос дяди Дэвида был неожиданным. Мало того, что интерес к органам управления первого по-настоящему массового автомобиля, ставшего, кроме этого, еще и легендарным примером крайней дешевизны и утилитарности, проявил человек, носивший фамилию Рокфеллер, так и сама тема разговора была очень далека от автомобилей. Потому что говорили они о демократии...

– М-м-м... две? – предположил Уинтроп. У него был классический 911 Porsche выпуска 1989 года с кузовом targa, так что он считал себя крутым гонщиком и знатоком автомобилей.

Дядя Дэвид усмехнулся и покачал головой:

– Нет, три.

– Оу, это как у машин с ручной коробкой! – догадался Майкл. – Ну точно – тогда же еще не было коробки-автомата.

– Похоже, но не совсем, – покачал головой дядя Дэвид. – У машин с ручной коробкой действительно три педали – газ,

тормоз и сцепление, но среди педалей «Жестянки Лиззи» не имелось ни газа, ни сцепления.

– Как это? – Парни удивленно переглянулись. Их более старший собеседник улыбнулся и пожал плечами. На самом деле он был им не дядей, а двоюродным и троюродным дедушкой. Но всем в «семье» было известно, что внук основателя династии и первого в истории долларового миллиардера планеты крайне не любил, когда его называли как-то иначе, нежели дядей. Особенно дедушкой или прадедушкой...

– А вот так! – После чего пояснил: – Для того чтобы привести в движение «Жестянку Лиззи», требовалось сначала открыть кран подачи топлива, который был расположен под приборной доской... Кстати, это на самом деле была доска – массивная такая, толстая, покрытая слоем лака... После чего вылезти из-за руля и, зайдя спереди авто, воткнуть в отверстие бампера кривой стартер.

– Что?!

– Это такая изогнутая палка, которая прямо через передний бампер сцеплялась с коленчатым валом. После чего ее требовалось вращать, прилагая при этом немалые усилия, чтобы двигатель в конце концов завелся. И должен вам сказать, это было непросто. А если ты ошибался с положением одной из педалей, которая выполняла функции переключения передач, то «Лиззи» дергалась вперед, как молодая козочка, чувствительно наподдавая тебе под коленки.

– Да, но...

– Электрический стартер был доступен, но стоил семьдесят пять долларов. Четверть от цены «Форда-Т» в комплектации без него. Как вы думаете, многие его покупали?

– М-м-м... нет, – несколько озадаченно произнес Уинтроп.

– Точно! – Дядюшка благосклонно кивнул и продолжил: – Так вот, после того, как двигатель был заведен, нужно было вернуться на место водителя, включить скорость, для чего как раз и требовалось нажать уже упомянутую педаль, одновременно прибавив подачу топлива рычагом на руле, выполнявшим функцию газа, да-да, вместо педали был именно рычаг на руле... При этом требовалось еще и поиграть с рукояткой установки угла опережения зажигания. Ну, чтобы машина не заглохла... Да, там еще был штекер управления заслонкой карбюратора. Его тоже частенько приходилось использовать. Особенно в холодное время года. – Тут дядя Дэвид замолчал и бросил на сидящих перед ним молодых, а с высоты его возраста, можно было сказать, даже юных родственников, насмешливый взгляд и довольно ехидно спросил: – Ну как, рискнули бы вы сесть за руль этой старой и примитивной машины и с ходу отправиться в путешествие?

– М-м-м... нет, – осторожно отозвался Майкл. А Уинтроп согласно кивнул. Они до сих пор не понимали, зачем это вдруг их старший родственник им все это рассказывает.

– В том-то и дело, в том-то и дело, – усмехнулся дядюшка, явно наслаждаясь их недоумением. После чего за-

молчал и некоторое время сидел, молча пялясь на стену хижины, сбитой из грубо обработанных деревянных плах, и думая о чем-то о своем. Это была «семейная» хижина Рокфеллеров, построенная еще в прошлом веке, когда их фамилия только начала финансировать сборища Богемского клуба. Хижина располагалась в лагере Stowaway. Таких лагерей в Роще насчитывалось одиннадцать штук. На любой вкус. Впрочем, к настоящему моменту кое-какие предпочтения уже сложились. Скажем, в Hillside обычно заселялись парни из Объединенного комитета начальников штабов, в Hideaway – представители инвестиционных фондов, банкиры, журналисты, подрядчики Пентагона, а в Hill Billies – «умники» из различных «мозговых центров» и университетов... Хотя на самом деле подобное разделение было не слишком строгим. Например, в Sempervirens заселялись калифорнийцы вне зависимости от области, в которой они блистали. А президенты США за долгие десятилетия существования Богемской рощи почтили своим присутствием и Mandalay, и Owls Nest, и даже Stowaway.

– Демократию впервые описал Платон, – внезапно ожил дядя Дэвид. – В одном из своих диалогов. Если я правильно помню – в «Государстве». И произошло это, если мне не изменяет память, еще в начале четвертого века до нашей эры. То есть немногим меньше двух с половиной тысяч лет назад. Как вы думаете, парни, если что-то реально работает гораздо лучше любого другого, ему действительно требуется две

с половиной тысячи лет, чтобы вытеснить все остальное?

Майкл и Уинтроп переглянулись:

– Ну-у-у... нет, наверное.

– Именно! – Дядя Дэвид наставительно поднял палец вверх. – А теперь скажите мне, чем вызвано ее победное шествие по всему миру именно сегодня? Через два с половиной тысячелетия после того, как ее придумали и описали... то есть придумали-то ее, естественно, куда раньше. Иначе Платону просто не было бы что описывать. Но не будем заикливаться на датах. Итак?

Майкл и Уинтроп переглянулись очередной раз, потом старший из них, каковым являлся именно Уинтроп, тяжело вздохнул:

– Дядя, прошу прощения, но я окончательно запутался... Я знаю, что вы всегда были ярым и последовательным сторонником демократии. Что вы отдавали всего себя, способствуя всемерному ее продвижению по всему миру. Но ваши последние слова... – Тут он недоуменно пожал плечами.

Дядя Дэвид вновь усмехнулся:

– И где же ты видишь противоречие?

Уинтроп сердито нахмурился. Зато в разговор рискнул вступить Майкл:

– Ну-у-у... как нам кажется, ваша сентенция насчет того, что если бы демократия была бы действительно лучше, то-о-о...

– Вы плохо меня слушали, – прервал своего внучатого

племянника представитель старшего поколения семьи Рокфеллеров. – И это печально. А еще очень печально то, что вы не умеете думать и анализировать. Неужели вы думаете, что я зря вспомнил про «Жестянку Лиззи»? – Дядюшка неодобрительно покачал головой: – Я дал вам все инструменты, но вы уткнулись в тупое сопоставление... Скажите мне, кто будет лучше чувствовать себя в кресле водителя «Жестянки Лиззи»: тот, кто ее давно уже освоил, или кто-то подобный тебе, Уинтроп, привыкшему к тому, что для управления автомобилем достаточно руля и пары педалей?

– Ну, это очевидно, дядюшка...

– Вот именно! А теперь подумайте своими тупыми головами – в каком мире наша семья будет наиболее устойчивой и влиятельной? В мире, который управляется привычными нам «рычагами», «тумблерами» и «педалями», которые мы «переключаем» и «нажимаем» уже больше двухсот лет, или в каком-то другом?

Майкл и Уинтроп замерли и удивленно переглянулись. А затем на их лицах вспыхнуло понимание... но тут их грубо прервали:

– На жертвоприношение! – В полуоткрытое окно просунулась какая-то всклокоченная рожа, которая окинула их слегка ословелым взглядом и еще раз проревела: – На жертвоприношение! Все на жертвоприношение! – После чего снова исчезла. Но троица, находящаяся в помещении, как будто не заметила появления неожиданного гостя. Дядя Дэ-

вид продолжал молча сидеть, откровенно любуясь на ошеломленные рожи своих младших родственников, до которых вот только сейчас дошло, чем именно вызваны столь знаменитые дядюшкина филантропия и широко известная благотворительность. Нет, понятно, что известность в подобной сфере – это в первую очередь хороший PR. Но PR можно обеспечить с куда меньшими затратами. Дядюшка же тратил деньги весьма щедро, к настоящему моменту даже по самым скромным прикидкам раздав на благотворительные цели не менее полумиллиарда долларов... А ведь он, абсолютно точно, умел считать деньги. Иначе он вряд ли бы сумел занять кресло руководителя «Чейз Манхэттен банка» и уж тем более не смог бы удержаться на этой позиции более двадцати лет... Однако в свете только что озвученной информации становилось понятно, что это вовсе не траты, а инвестиции. Вложения в конфигурирование под себя «органов управления миром»... Сказанное еще, конечно, нужно было хорошенько осмыслить, но уже сейчас и Майклу, и Уинтропу стало совершенно ясно, что идея «поговорить с дядей Дэвидом о демократии» оказалась чрезвычайно плодотворной. Потому что этот не слишком долгий разговор внезапно приоткрыл перед ними ма-а-аленькую дверцу в мир «игр больших дядей». Туда, куда они и сами очень давно мечтали попасть. Однако, как только что выяснилось, даже не подозревали, как он устроен на самом деле. Хотя до этого разговора оба считали, что уже давно до него доросли. И то, что их не

допускают до чего-то серьезного, – просто ревность старших родственников либо чьи-то происки и злая воля недоброжелателей.

– Ладно, подумаете обо всем после. А сейчас нам пора идти на жертвоприношение.

– Дядя, а может... – воодушевленно начал Уинтроп. Но старший родственник не дал ему закончить:

– Нет – идем. Это важный ритуал!

– Но это же просто постановка...

– Идем, идем! – Дядюшка энергично поднялся на ноги и распахнул дверь. Мимо хижины в сторону амфитеатра, не слишком торопясь, даже несколько вальяжно двигались люди – политики, бизнесмены, банкиры, актеры, музыканты, военные... американцы, англичане, арабы, пакистанцы, индийцы, китайцы, русские. Американцев, естественно, было подавляющее большинство. Да и среди остальных очень много было тех, кого можно было считать неамериканцем очень условно. Потому что и дома, в которых они жили большую часть времени, и банки, в которых они хранили свои деньги, и школы с университетами, в которых учились их дети, были американскими. А многие из них даже уже давно оформили и заветное американское гражданство. Так что их «неамериканскость» осталась только в том, что они все еще продолжали оставаться в своих бывших странах значимыми и влиятельными людьми, которых многие в этих странах все еще числили своими. Или, возможно, уже немногие, но из

числа самых влиятельных...

– М-м-м... дядя, а мы куда? – недоуменно спросил Майкл, когда идущий впереди старший родственник, вместо того чтобы продолжать вместе с потоком людей идти в сторону Совиной поляны, названной так благодаря огромной каменной статуе совы, за десятилетия изрядно заросшей мхом и выюном, свернул на какую-то узкую тропинку, ведущую внутрь зарослей. Однако этот невинный вопрос внезапно привел дядюшку в раздражение. Он резко остановился, окинул Майкла и Уинтропа сердитым взглядом, после чего повелительно дернул рукой. Мол, идите за мной и ничего не спрашивайте. Парни недоуменно переглянулись и молча повиновались. Спорить с дядюшкой, когда он в раздражении... Ищите дураков!

Тропинка привела на небольшую поляну, окаймленную кругом факелов, на которой был установлен такой же, как и на Совиной поляне, перевернутый крест, к каковому так же было привязано чучело. Причем оно было выполнено куда более реалистично, чем на Совиной. Во всяком случае, очертания тела у него повторяли человеческие куда точнее. Уинтроп огляделся по сторонам и насмешливо усмехнулся. Боже мой, опять эти игры... Вокруг креста с «жертвой» толпилось около десятка человек, одетых в балахоны, похожие на ку-клукс-клановские, либо во что-то сильно напоминающее монашеские рясы с глубоким капюшоном, полностью скрывавшие лицо и фигуру. Впрочем, не все. Парочка была

разодета в какие-то карнавальные костюмы, изображавшие то ли ландскнехтов, то ли... палачей, а их лица были скрыты не капюшонами и колпаками, а нанесенным на них гримом и венецианскими полумасками. Все присутствующие на поляне негромко переговаривались между собой, но стоило им троим приблизиться, как разговоры прекратились.

Когда представители знаменитого семейства подошли вплотную, с дядюшкой пусть и молча, но весьма церемонно поздоровались, а вот на обоих молодых людей не обратили ни малейшего внимания, отчего Майкл недовольно сморщился и бросил раздраженный взгляд на Уинтропа. Тот тоже нахмурился. Никто не имел права относиться к носящим фамилию Рокфеллер столь демонстративно пренебрежительно! Но поскольку дядюшка никак на подобное не отреагировал, пришлось промолчать.

Похоже, те, кто собрался на поляне, ждали только их. Ну, или, вернее, дядюшку. Потому что молодых представителей знаменитой фамилии продолжали все так же показательно игнорировать... Поэтому сразу после того, как они трое, повинувшись очередному жесту дядюшки, отошли чуть в сторону от остальных, встав на самой опушке, рядом с факелами, действие на поляне начало разворачиваться. Люди в балахонах чуть раздались в стороны и, выстроившись двумя группами по бокам от перевернутого креста с чучелом, затянули какой-то хорал. А парочка «ландскнехтов» подхватила по канистре с розжигом и принялась поливать поленницу, сло-

женную у ног чучела, время от времени брызгая и на него самое. И вот тут Майкл восторгнулся и озадаченно уставился на чучело.

– М-м-м... дядюшка, а тебе не кажется, что...

– Помолчи! – раздраженно рявкнул представитель старшего поколения знаменитой семьи. Юный представитель этой семьи послушно прикусил язык, при этом продолжая напряженно вглядываться в привязанную к кресту «куклу». Потому что ему показалось, что она шевельнулась.

– Человек – социальное существо, – негромко начал дядюшка. – Вне социума он – даже не животное, а... червь. Или трава. То есть просто чей-то ресурс, пища, удобрение... Но иногда встречаются те, кто думает, что они ценны сами по себе. Потому что богаты. Или умны. Или харизматичны и популярны. Поэтому они начинают нарушать правила, установленные социумом. Тем социумом, к которому они принадлежат. Но они ошибаются. Они – всего лишь куклы, которыми играют те, кто знает, как на самом деле устроен мир... – Дядюшка сделал долгую паузу, а потом внезапно заорал:

– Сжечь куклу!

И все, кто присутствовал на поляне, подхватили этот клич:

– Сжечь... Сжечь куклу! Сжечь жертву...

Один из «ландскнехтов» сделал шаг в сторону и, выдержав из держателя один из факелов, плавным движением поднес его к политым горючей жидкостью дровам. Те мгновенно

но вспыхнули.

– А-АААА-А-Ы-Ы-Ы-Ы! – «Кукла» внезапно полупридушенно взревела и задергалась. А Майкл вздрогнул и бросил отчаянный взгляд на Уинтропа. Того тоже перекосило. А вот дядюшка Дэвид продолжал невозмутимо скандировать вместе со всеми:

– Сжечь! Сжечь! Сжечь! – А затем вдруг повернулся и окинул молодежь требовательным взглядом: – А вы почему молчите? Вы отделяете себя от нашего социума?

Майкл сглотнул и опять покосился на Уинтропа. Нет, они, конечно, прошли через многое – при вступлении в греческое общество любого американского университета через что только не приходится проходить. Издевательства, насилие, содомия... Особенно этим отличаются университеты Лиги плюща, к которым принадлежит и Гарвард, в каком-то они имели честь обучаться. Но вот так жечь живьем живого человека... Однако дядюшка смотрел на них очень требовательно. Так что спустя несколько мгновений и тонкий, дрожащий голос Уинтропа, и хриплый Майкла присоединились ко всеобщему хору. Дядюшка еще несколько секунд внимательно смотрел на них, а затем поощряюще улыбнулся:

– Скоро вы войдете в число тех, кто управляет жизнями миллионов, решает, кому из них жить, кому сгореть в пламени взрыва, а кому медленно подыхать от голода или неизвестной болезни. Вам окажутся подвластны такие силы и ресурсы, о которых могут только мечтать главы десятков как

откровенно нищих, так и... весьма развитых стран. Вашей благосклонности будут добиваться знаменитейшие музыканты, художники, архитекторы, красивейшие женщины и мужчины... но я хочу, чтобы вы навсегда запомнили, что если вы однажды сделаете ошибку и пойдете против того социума, к которому принадлежите, то вы непременно кончите вот так, – тут дядюшка медленно повел подбородком в сторону горящей фигуры. – В качестве бессловесной куклы, которую, кривляясь, сожжет кучка ряженных на дурацком потешном жертвоприношении...

Глава 1

– Вы не коммунист, Марков, вы – типичный буржуазный перерожденец! Тот, кто дал вам рекомендацию в партию, должен отрубить себе руку! Или вообще застрелиться...

– Мне?! – возмутился я. – А как тогда, по-вашему, должны поступить те, кто давал рекомендацию Ельцину с Горбачевым? А также те, кто продвинул их в ЦК и Политбюро... кто заглядывал им в рот и цитировал их речи на партийных собраниях? Портреты в рамочке на стены кабинетов вешал! С ними что? Вон они сейчас – через одного в этой вашей новой КПРФ.

– Она не моя! – отрезала моя гостья. – А вы – предатель. Предатель дела коммунизма! – И она вышла из моей квартиры, гордо вскинув голову и попытавшись резко захлопнуть дверь за собой. Ну, чтобы она с грохотом врезалась в косяк. Но вот этого у нее не получилось. Потому что дверь была оборудована доводчиком... Я проводил ее угрюмым взглядом и, тяжело вздохнув, двинулся обратно в свой кабинет. Вот ведь... женщина! Таран! В прошлой жизни я не был с ней знаком. Только читал о ней.

Тринадцатого марта восемьдесят восьмого года она опубликовала в газете «Советская Россия» статью под названием «Не могу поступаться принципами», тут же объявленную «манифестом антиперестроечных сил». Но к тому моменту

все уже носились с перестройкой, как хохлы с майданом, так что Андрееву тут же принялись показательно гнобить. Причем не только экзальтированная интеллигенция, принявшая перестройку, так сказать, всем сердцем, но и высшее партийное руководство. Сама газета «Правда» – главный рупор ЦК КПСС – меньше чем через месяц опубликовала на первой странице развернутую редакционную статью «Принципы перестройки: революционность мышления и действия», в которой напрочь разгромила все, о чем писала Нина Александровна. После чего нападки на нее посыпались со всех сторон. Но она не сдалась, а попыталась перейти в наступление, сформировав и возглавив «Большевистскую платформу в КПСС», одной из задач которой, как было объявлено летом 1991 года, стало «привлечение М. Горбачева и его окружения к партийной ответственности за развал КПСС, Советского государства, за предательство дела Ленина, Октября, международного коммунистического и рабочего движения». Но-о... не успели. Да, впрочем, и не смогли бы. Развал к лету девяносто первого дошел уже до такого предела, что даже вооруженный путч августа 1991-го ничего не смог сделать. Танки на улицах ничего не решили – чего уж там какая-то «платформа в КПСС»...

– Есть будешь? – негромко поинтересовалась жена, выглянув из кухни. Я отвлекся от своих мыслей и, повернувшись к Аленке, криво улыбнулся. Да уж... наворотил я со своим букетом в морду Ельцину! Вся наша жизнь полетела вдре-

безги кувырком. Во-первых, нам тут же зарезали весь бизнес. На издательство мгновенно обрушились сплошные проверки, сразу после начала которых наши счета были арестованы, валютный счет закрыт, а все перечисления от контрагентов приостановлены. Во-вторых, на меня лично набросилась вся либеральная свора, которая здесь и сейчас была как раз в самой силе. Если верить тому, что публиковали про меня самые мейнстримные СМИ, я был той еще сволочью... настоящим ублюдком, с детства мечтавшим полизать сапоги Сталину и всю жизнь страдавшим от того, что родился слишком поздно для этого. А также безжалостным палачом, лично расстреливавшим афганских женщин, детей и стариков, причем делавшим это с публично демонстрируемым удовольствием и без какого бы то ни было повода. Вот просто нравилось мне это... Ну и, до кучи, заядлым интриганом, который с помощью ЦК КПСС и ЦК комсомола добился того, что многие достойные спортсмены были отодвинуты в сторону, а мне, ну вот совершенно незаслуженно, то есть с подтасовками и «идеологическим судейством», была вручена олимпийская медаль, которую надо непременно, сейчас же, пока нас не прокляло все прогрессивное человечество, отобрать напрочь. Боже, и эти люди боролись с «телефонным правом» и требовали от коммунистов обеспечить всеобщее равенство перед законом! А когда дорвались даже не до власти, а до того уровня, когда посчитали себя вправе озвучивать советы этой самой власти, тут же превратились

в таких же точно «партийных секретарей». Только гораздо более безапелляционных и истеричных... Впрочем, для меня в этом не было никакой неожиданности. Я в том самом покинутом мной будущем сполна насмотрелся на всех этих «Вы не понимаете – это другое!». А вот Аленка переживала. И сильно.

– Пока нет. – Я слегка замялся: – Я пока в кабинете буду, поработаю...

– Хорошо.

Закрывшись в кабинете, я сел за стол и обхватил голову руками. И что теперь делать? Нет, этот год мы продержимся. И деньги есть, и запасов наделано достаточно, и одеждой/обувью мы обеспечены. Если только детям чего прикупить потребуется. Растут же... Но дальше-то что? По моим планам именно девяностые должны были стать для меня тем временем, когда я заработаю основной капитал. И если бы не мой идиотский поступок – все было бы нормально. Я успел неплохо раскрутиться, заработать имя, создал свое собственное издательство, сформировал пул авторов, причем как из числа уже известных, так и тех из молодых, кто должен был вот-вот «выстрелить». Те самые «новые имена», которые прогремели в девяностых – начале двухтысячных. Которые переиграли на внутреннем рынке даже признанных корифеев фантастики – американцев с англичанами. Но теперь все эти планы оказались напрочь похерены. Да еще и – как будто этого было мало – мой поступок внезапно сделал

меня таким знаменем всех уже даже не антиперестроечных и антидемократических, а антиельцинских сил. И если сразу после произошедшего эти силы были слабы и очень разрозненны, то, когда с началом девяносто второго отпустили цены, мгновенно устремившиеся прямо-таки вертикально вверх, они воспряли, сплотили ряды и ринулись в контратаку на «антинародную власть». Но пока еще их лидеры не набрали достаточно авторитета, чтобы составить реальную конкуренцию Ельцину и его клевретам. Потому-то им и требовался кто-то типа меня. Знамя. Символ. При том что никакой реальной возможности влиять на ситуацию мне никто предоставлять не собирался. То есть мне отводилась роль исключительно «легионного орла», которому вставят в жопу палку и вознесут вверх чьи-то совершенно посторонние руки... Впрочем, я и сам отнюдь не рвался в политические лидеры. На хрен эту свару! Я – писатель. У меня это получается лучше всего, мне это нравится – вот и стоит заниматься именно этим. А оставшееся от работы время лучше тратить на общение с семьей и путешествия.

В том будущем, которое ныне осталось только в моей памяти, я буквально болел путешествиями. Ездить, ну, по-серьезному, мы тогда начали куда позднее – в начале двухтысячных, однако за время, пока позволяло здоровье, успели побывать в более чем семидесяти странах. Больше всего покатались по Европе, конечно... причем, считай, половину проехали, так сказать, «дикарями». То есть на своей маши-

не, самостоятельно планируя маршрут, ночевки, время пребывания в том или ином городе и так далее. А во многих побывали не по одному разу. Особенно нравились Греция, Австрия, Германия, не раз бывали в Венгрии, Сербии, Италии, Испании, Франции. Кроме Европы, добрались и до Австралии, Китая, США, Индии, Перу. Короче, отметились на всех материках, кроме Антарктиды. Но в новой жизни я собирался устранить и этот недостаток. Ну и как я все это сумею воплотить в жизнь, если займусь политикой? Так что на хрен...

Однако чем дальше, тем поток «паломников» от разных политических сил, пытающихся затащить меня в свои ряды, становился только больше. Потому что буквально с каждым прожитым днем до все большего и большего числа граждан бывшего СССР начинало доходить, что происходит что-то не то. Что власть где-то лажает. Да и они сами где-то накосячили. Потому что ну не может же машина, которая вот буквально вчера стоила всего чуть более десяти тысяч рублей... ну пятнадцать, даже двадцать, если с рук, сегодня стоять уже сто пятьдесят. А бутылка пива вместо рубля (и это после всех повышений, до них пол-литра «Жигулевского» вообще стоило 22 копейки) – десять! Ну не бывает так! Однако же вот, случилось... И самое страшное – на этом цены не остановились, продолжая расти. Причем все быстрее и быстрее. Сейчас, к концу февраля, тот же десяток яиц, после Нового года уже скакнувший в цене с где-то максимум трех рублей до

десяти, дорос уже почти до пятнадцати. И это всего за пару месяцев! Так что едва только первоначальный шок от подобной «демократизации» начал проходить, среди людей началось натуральное «бурление говна». И еще недавно гордым «защитникам Белого дома», в каковые сразу после «путча» записалось едва ли не триста тысяч человек, кое-где уже начали потихоньку бить морды. Но всем было понятно, что самое главное еще впереди...

Посамобичевавшись некоторое время, я включил свой старенький, привезенный еще из Таллина комп, и открыл файл. Как бы там ни было – работу надо работать. Где и когда я опубликую то, что сейчас пишу, – хрен его знает, но дело есть дело. К тому же сейчас ситуация в стране будет меняться так резко, что я скоро точно выпадут из списка главных врагов. Даже если в нем нахожусь. Что совсем не факт... А там, глядишь, все потихоньку и наладится. Ну где я – и где, скажем, те же Хасбулатов с Руцким? Это ведь сейчас они с Ельциным и его кликой друзья – неразлейвода, а пройдет еще пара лет – и тот будет этих своих нынешних друзей из танков расстреливать. И какое кому дело тогда будет до скромного писателя Ромы Маркова?

Но работа как-то не пошла. Я сидел, тупо пялясь в экран и злясь на себя. И ведь вроде знаю, о чем писать, сюжет давно разработан, и вообще – эта книга была уже мной один раз написана. Ну, в прошлой жизни. А вот здесь и сейчас не складываются мысли в слова и предложения, хоть убей...

Я раздраженно выключил комп и пододвинул стопку газет, которых понавывписывал почти десяток – «Известия», «Правда», «Советская Россия», а также «Общая» с «Независимой». Были у меня мысли поподробнее отследить все перипетии перехода страны от «уставшего социализма» к «одичалому капитализму». А ну как на старости лет сподоблюсь мемуары написать? В прошлой жизни такие мысли витали, даже файл сделал под это дело, но когда начал пытаться работать – выяснилось, что почти ни хрена не помню... Раскрыв «Известия», я начал бегло просматривать первый лист. Блин, ну вот кто так новостную ленту формирует? Бардак и хаос! Все обо всем и всего понемножку. Как же не хватает Интернета! А с другой стороны, в том, чтобы взять в руки хрустящий газетный лист, есть свой шарм...

В основном газеты были наполнены полной мурой – всякие там интриги, скандалы, расследования, разоблачения. Кроме того, существенную часть полос занимали рекламные объявления, среди которых была масса предложений различных гадалок, потомственных ясновидящих и наследных магов с ведьмами, ищущих людей по фотографиям, снимающих порчу, венец безбрачия, кодирующих от алкоголизма и заклинающих «на деньги». Читать все это было довольно омерзительно. Эх, где вы, волшебные файлы cookie, отсекающие большую часть всей этой мути...

Естественно, идеологическая направленность у газет была абсолютно разная – «Правда» и «Советская Россия» во-

всю обличали «антинародную власть», а «Общая газета» вместе с «Независимой» все так же яростно боролась со «сталинизмом», радуя читателей успехами на этом поприще, а также с гордостью повествовали о подписании новых меморандумов о сотрудничестве с фирмами из «передовых демократических стран», которые непременно приведут к уже совсем скорому бурному росту экономики и повышению уровня жизни, а также и зарплатам с пенсиями до уровня этих самых демократических... Если честно, сам я о том, что писала пресса в девяностые, до этого помнил смутно, но вот то, насколько тон и содержание местной прессы перекликались с тем, что писалось у хохлов после их Евромайдана, просто приводило в оторопь. Просто один в один!

Одной из международных новостей был скандал с Украиной. И вот о нем я читал довольно внимательно.

Как выяснилось, простой обратной передачей Крыма в состав РСФСР дело не ограничилось. Дело оказалось в том, что с прошлого лета с территории Украины начали активно вывозить ядерные заряды. Но, как выяснилось, отправку ядерных зарядов на территорию России на Украине отслеживали. С помощью «офицеров-патриотов Украины», как писала украинская пресса... И не только отслеживали, но и как могли препятствовали подобной отправке. Причем на всех уровнях. От ЦК КПУ и местного КГБ до распропагандированных военных на местах. И одним из способов такого противодействия было как раз перенаправление вагонов

с контейнерами, в которые были упакованы боеголовки, вместо России в арсеналы Черноморского флота. Крым же це Украина! Да и Севастополь весь конец восьмидесятых киевская власть очень активно пыталась подгрести под себя. Хотя официально он был городом союзного подчинения и напрямую Киеву не подчинялся. А тут оп – и Крым передали в состав РСФСР! После чего все «заначенное» хитрыми хохлами в арсеналах ЧФ оказалось под юрисдикцией России. Вследствие чего на территории, подконтрольной Киеву, осталось всего около полутора сотен ядерных зарядов. Разных. От боеголовок стратегических ракет 43-й ракетной армии, которая как раз в данный момент находилась в процессе расформирования, до довольно старых ядерных снарядов для восьми и шестидюймовых гаубиц. А я смутно припоминал, что в моей реальности американцы с немцами заставили украинцев отдать в ельцинскую Россию где-то более двух с половиной тысяч ядерных боеголовок и иных зарядов. Потому что им вот ну совсем не нужна была в Европе еще одна ядерная держава. Даже более-менее им послушная... Несмотря на то что в тот момент украинцы еще числились адекватными. И даже более того – наиболее перспективными среди всех постсоветских республик. С наиболее развитыми промышленностью, образованием, сельским хозяйством и наукой! Так что по поводу Украины все западные или прозападные экономисты (а других сейчас никто и не слушал) высказывались в превосходной степени. Именно в это время как

раз и появились украинские мрии о второй Франции! А вот по поводу России все было не столь однозначно... Причем за эту передачу новая, свободная Украина еще и поимела довольно солидные плюшки с России. Американцы же с немцами, как обычно, обошлись похлопыванием по плечу и фальшивыми улыбками... А тут такой афронт. Вот часть украинской прессы и подняла бучу. То есть, вернее, часть украинской элиты. Из наиболее свидомых. Пресса – это ж только инструмент...

Кроме того, украинцы жаловались, «проклятые москали» за последние полгода перегнали в Россию большое количество авиатехники. Причем, от ведь гады такие, самую современную забрали... На мой взгляд, это уже было излишним. Все равно даже ту, что уже и так имелась на вооружении армии России, в полном объеме содержать не получится. При вошедшей в пике экономике-то... Так что и эту «новую и современную» по большей части раньше или позже просто порежут на металлолом. Ну, или она сгниет на временных стоянках. Но, увы, моего мнения никто не спрашивал.

Отложив газеты, я повернулся к компу и решительно нажал на клавишу отключения. Все равно работы сегодня не будет... Комп, мигнув голубой табличкой Norton Commander, послушно потух. Я встал и подошел к окну. Внизу загоралась вечерними огнями Москва. Наша квартира располагалась на восемнадцатом этаже, поэтому вид из окон был потрясающим. Особенно ночью. Ночь скрадывает боль-

шинство недостатков – грязь, обшарпанные фасады, дыры на асфальте и разбитые бордюры, ржавые разводы на крыльях машин. После наступления темноты рассасываются стихийные рынки у входов в метро, на которых толпы людей торгуют чем ни попадя – от поношенной одежды и стоптанной обуви до паленой водки и сигарет поштучно... И я знал, что чем дальше, тем все будет становиться только хуже. Дыры на асфальте будут множиться, а стихийные рынки у метро – разрастаться.

Дверь тихо распахнулась, и в проем просунулась головка моей любимой:

– Ром! Тут к тебе пришли.

– Американец? Журналист?

– Говорит, канадец, – несколько взволнованно уточнила Аленка. Несмотря на все наши путешествия, в ней пока еще был жив тот советский пиетет перед «заграницей». А может, и благодаря им. Я помню, в какой шок она пришла после первого посещения французских магазинов. Особенно продуктовых. Причем самым большим впечатлением для нее оказались вовсе не пресловутые «сто сортов колбасы», а ягоды. Видели бы вы, в каком изумлении она была, рассказывая мне:

– Я спросила, когда у них появляется свежая голубика – так продавец сказала: «Обычно к семи утра»! – Увы, в СССР даже мандарины, которые вполне выращивались на территории страны, в большинстве магазинов, как правило, появля-

лись на пару недель перед Новым годом. Потому-то у тех, кто вырос в Советском Союзе, запах мандаринов ассоциируется с новогодними праздниками...

Я вздохнул и, развернувшись, в два шага вернулся к рабочему столу.

– Проводи его ко мне.

Второй, и последний на сегодня гость был для меня самой большой загадкой. Его появлению предшествовал телефонный звонок с незнакомого номера. В последние три месяца я на подобные звонки предпочитал не отвечать, потому что большинство из них оказывалось звонками от всяких уродов, неизвестно каким образом доставших мой номер и горящих желанием высказать мне все свое возмущение тем, каким образом я обошелся с их кумиром и Великим Героем, свергнувшим Страшную и Кровавую Советскую Гидру. Именно благодаря подобным звонкам я раскошелился на покупку весьма недешевого ТАОН... Но этот абонент оказался весьма настойчив, хотя и деликатен. Что выразилось в том, что он набирал мой номер всего по паре раз в день. Так что день на пятый я решил рискнуть и взять трубку. И вот теперь ломал голову над тем, правильно ли поступил...

Американо-канадец оказался обаятельным, улыбчивым дядькой лет сорока пяти со шкиперской бородкой, одетым в щегольской клубный пиджак и чистые, аккуратные классические «ливайсы». Ну те самые – с пуговицами для пристегивания подтяжек.

– Добрый день! Очень рад личному знакомству. Я – Эл Джейк Ронсон, корреспондент «Чикаго геральд». Позвольте выразить вам благодарность за то, что вы согласились встретиться со мной!

– М-м-м... Ну, меня вы, естественно, знаете – Роман Марков, писатель, – осторожно отозвался я. Нет, поймите меня правильно – мужик был очень обаятельный и харизматичный, но-о-о... именно это и настораживало. Какого хрена ему от меня надо? Тем более что, как я сумел разузнать, «Чикаго геральд» не имела своего репортерского бюро в Москве, поскольку была почти исключительно «внутренней» газетой. Нет, парочку-тройку представительств за рубежом она имела – в Лондоне, Франкфурте-на-Майне и вроде как в Париже. Поскольку ее аудитории новости из-за пределов США были интересны очень ограниченно. Из финансовых центров Европы и столицы моды – да, но и только. А на весь остальной мир читателям «Чикаго геральд» было совершенно плевать. Их и дома неплохо кормили... Какого хрена корреспондента подобного издания занесло в Москву – мне было совершенно непонятно. И, каюсь, именно это недоумение послужило одним из основных поводов для того, чтобы я согласился встретиться с этим самым мистером Ронсоном...

Интервью прошло... странно. Нет, мужик вел себя просто великолепно – улыбался, шутил, даже рассказал пару анекдотов. Один русский, а другой австралийский. Про новозеландцев. Новозеландцы в Австралии такие же типичные ге-

рой анекдотов, как чукчи в России и поляки в Америке... И никаких бегающих глазок, скользких улыбочек и всего такого прочего. Пряма душка! Но ощущение от встречи было очень неоднозначным. Чего ж он так пытается меня обаять-то?

Впрочем, одним интервью дело не закончилось. После его формального окончания журналист нагло напросился «на чай». Впрочем, «нагло» – это мой личный вывод, сделанный, опять же, на основании опыта моей очень долгой жизни. Я ж только внешне выглядел молодым человеком творческой профессии двадцати восьми лет от роду, склонным к эмоциональным поступкам и только что столкнувшимся с жесткими последствиями своих спонтанных действий. Но я-то был тем, кем был – старым пердуном, прожившим довольно бурную жизнь и дожившим аж до восьмидесяти девяти лет, сознание которого перенеслось обратно в его же четырехлетнюю тушку, после чего я по новой прожил уже двадцать четыре года. То есть сейчас мне было... восемьдесят девять плюс двадцать четыре – сто тринадцать лет. Нехилый жизненный опыт, не так ли? Причем весь этот опыт был «упакован» во вполне себе молодые мозги без каких бы то ни было признаков склероза и сенильной, то бишь старческой, деменции! Так что то, что я считал «наглым», для самого Ронсона могло выглядеть вполне привычной и десятки раз осуществленной манипуляцией... Подтверждением этому могло послужить то, что даже Аленка, обычно инстинк-

тивно настороженно относившаяся к любым новым людям в нашем окружении и всегда, со времен еще прошлой жизни, поучавшая меня поменьше открываться, не видеть в каждом новом знакомом потенциального друга и не болтать лишнего, не раскрывать душу почти незнакомым людям, и то слегка поплыла и польщенно разулыбалась. Ну, когда журналист восторженно похвалил ее фирменную «шарлотку» и сделал пару комплиментов по поводу детей. Они с нами за столом не сидели, но когда мы с корреспондентом покинули кабинет – выскочили из своих комнат, заинтересованно блестя глазками... После чего он вновь вернулся ко мне.

– Знаете, Роман, – задумчиво произнес он, несколько картинно поигрывая чашкой с остатками чая, – вы очень интересный человек. Нет, понятно, что человек с подобной биографией не может быть неинтересным, но, признаюсь честно, из двух с половиной сотен интервью, которые я взял за двадцать пять лет своей репортерской деятельности, настолько интересных, как наше с вами, у меня было дай бог полтора десятка. Можете мне поверить – вы поразительно обаятельны!

Я тут же напрягся. К чему эти комплименты? Обычно, когда незнакомого (ну ладно – малознакомого) человека начинают подобным образом заваливать комплиментами, это означает, что его точно собираются как-то развести. Нет, будь я тем, кем кажусь, избранная мистером Ронсоном тактика сработала бы со стопроцентной эффективностью. Но я-

то был другим.

– Спасибо, – отозвался я, добавив, впрочем, в голос нотки самодовольства. Попробую продемонстрировать ожидаемые реакции. Ой, чую, основной целью этого визита было отнюдь не интервью, а то, что будет озвучено именно сейчас. Типа походя. Между делом...

– Кстати, мне тут пришла в голову интересная мысль! – Мистер Ронсон оживился и упер в меня доброжелательный взгляд: – Как вам идея ненадолго уехать из России?

Я едва не поперхнулся. Дело в том, что такой вариант рассматривался. Только чуть попозже. Когда все подутихнет... Потому что, даже если наше издательство разгромят, сажать меня вроде как не за что. Ну, по справедливости если. Хотя... где справедливость и где наши «демократы»? Нет, и при коммунистах с этим дело было не очень, а все наши самые видные «демократы» выходцы как раз оттуда – если не сами из членов ЦК, то отцы-дедушки из таковых. Ну, либо как минимум из обласканной советской властью «красной профессуры»... Но того, что началось, когда к власти пришли «радетели за народ», даже наших дедов с их «революционной целесообразностью», пожалуй, в оторопь ввело бы! Так что, как гласила русская народная пословица – ни от суммы, ни от тюрьмы зарекаться не следовало. Хотя я надеялся, что до этого не дойдет – бизнес разгромят, публикации перекроют, но сажать не будут. Незачем ко мне еще больше внимания привлекать. Это не на них, а против них сработает. Осо-

бенно сейчас, пока они все стараются делать хотя бы внешне «демократично». Это после расстрела Белого дома танками ни нашим «демократам», ни их кураторам из-за океана уже стесняться будет нечего, а пока...

– М-м-м... да мы вроде как и так собираемся, – осторожно ответил я.

– Вот как? – удивился мистер Ронсон. – И от какого университета вам поступило предложение?

– В смысле? Какое предложение? – недоуменно переспросил я. Американско-канадец в ответ уставился на меня не менее озадаченно. Но спустя несколько мгновений в его глазах мелькнуло понимание, и он облегченно рассмеялся:

– А-а-а... так вы говорите об обычной туристической поездке? Ха-ха-ха-ха... нет, когда я говорил об отъезде, я имел в виду нечто совершенно другое. – Мистер Ронсон с доверительным видом наклонился ко мне: – Как вы смотрите на то, чтобы поработать в США?

– Я?

– Ну да! – Он обезоруживающе улыбнулся: – Дело в том, что у меня есть друзья в Монтане. И предметом их большой заботы является Колледж Западной Монтаны. Весьма уважаемое заведение, расположенное в очень тихом и уютном городке Диллон. Так вот – один из них не так давно жаловался мне на то, что никак не может найти преподавателя на курс русской филологии, который они собираются открывать с начала будущего учебного года. Ваша страна сейчас

очень популярна в Соединенных Штатах, знаете ли... мода на «что-то русское» захватила многие университеты. Так что и попечительскому совету колледжа пришлось озаботиться тем, чтобы не отстать от современных тенденций. – Тут мистер Ронсон весело рассмеялся, причем так заразительно, что мы тоже разулыбались. Несмотря на все ошеломление подобной новостью.

– Эм-м... – несколько недоуменно начал я, когда все отсмеялись, – это хорошо, рад за попечительский совет, но какое это имеет отношение ко мне...

– Ну вы же писатель! – как само собой разумеющееся, заявил репортер. – Кому еще преподавать филологию, как не человеку, так глубоко погруженному в русский язык, как вы?

– Ну, я бы с этим утверждением поспорил.

– К тому же вы – довольно известная личность с богатой биографией и, кстати, не так давно отметившаяся весьма неординарным поступком. Уверяю вас, если я позвоню друзьям и предложу вашу кандидатуру – они ухватятся за нее обеими руками. Заполучить в преподаватели фигуру, подобную вам, – отличный способ, кроме всего прочего, получить громкий PR и заставить вспомнить о существовании колледжа даже федеральную прессу. Чего попечительскому совету и руководству колледжа не удавалось добиться уже более десяти лет, – и Ронсон снова заразительно рассмеялся. Мне же было не до смеха. Черт, черт, черт! Подобное предложение – это прямо «мене, текел, фарес». То есть «измере-

но, взвешено, оценено»... То есть кто-то, вряд ли ЦРУ или Госдеп, скорее некий Think Tank из числа тех, что обеспечивают «осваивание» ресурсов распавшегося СССР в интересах неких частных корпораций, его финансирующих, обратил на меня внимание и, проведя анализ, оценил меня чуть иначе, чем упомянутые госструктуры. После чего было решено вывести меня из будущих раскладов путем удаления из, так сказать, «точки кристаллизации». То есть из Москвы. Ну и из России в целом... Хорошо это или плохо? В общем — однозначно плохо. Я привлек внимание, попал в расчеты и учеты людей, занимающихся политикой, то есть стал некой фигурой на доске, за которой кто-то будет присматривать. Очень плохо... Но и в чем-то хорошо! Потому что я пока, скорее всего, не в государственных учетах, а в таких... частных. Для Америки это характерно. Это у нас все «агенты» непременно под КГБ и ГРУ. То есть под некими государственными структурами с соответствующими ресурсами. А в Америке с этим дела обстоят по-другому. У них таких структур, «играющих» на политическом поле по всему миру, намного больше. Но зато и ресурсы у них поменьше. То есть в целом больше, конечно, но поскольку они, так сказать, «размазаны» по гораздо большему числу «контрагентов», каждой такой структуре достается меньше... Вернее, большинству таких структур. Но та, с которой сотрудничает вот этот конкретный репортер (если он вообще в первую очередь репортер), скорее всего, из достаточно мелких. Су-

дя по предложению... Не Гарвард же предложил и не Стэнфорд с Массачусетсом, а какой-то левый колледж в одном из самых бедных штатов США... А с другой стороны, пропасть на некоторое время из фокуса зрения очень сердитых на меня местных либералов и властных структур – вполне выход. Ну, если парень сможет обеспечить обещанное. Так-то мой заграничный паспорт сейчас по-любому в «стоп-листе». Именно поэтому мы пока еще лишь «собирались» съездить во Францию, а не уже паковали чемоданы...

– М-м-м... предложение интересное, но, к сожалению, вряд ли выполнимое. Понимаете, после моего... э-э-э... несколько спонтанного поступка на мой паспорт, вероятно, наложен...

Мистер Ронсон внимательно выслушал меня и озадаченно кивнул:

– Да, это проблема... – Он задумался, но спустя всего полминуты снова улыбнулся: – Но, как мне кажется, решаемая. Как выяснилось при нашей первой встрече, мы с мистером Страусом болеем за одну и ту же бейсбольную команду. И любимый сорт сигар у нас один и тот же. А ничто не сближает людей больше, чем одни и те же предпочтения в сигарах. Разве только предпочтения в сортах виски... – И репортер снова заразительно рассмеялся. – Поэтому я надеюсь, что он отнесется к моей скромной просьбе достаточно благосклонно, чтобы доставить себе заботу обратиться к вашим властям насчет разрешения этого маленького недора-

зумения. – Тут мистер Ронсон вскинул руки: – Нет, гарантировать, конечно, ничего нельзя. В конце концов, Россия – суверенная страна, но-о-о... у наших стран сейчас просто великолепные отношения. Так что шанс на то, что к просьбе посла США в ваших государственных органах отнесутся с повышенным вниманием, очень неплохой.

– Тогда... – Я сделал паузу, после чего ответил не совсем так, как собирался: – Мне надо подумать.

– Оу, я понимаю, – репортер вскинул руки в шутливом жесте. – Подобные изменения в жизни, конечно, стоит делать, все хорошенько обдумав... Но, что бы вы ни решили, я очень рад знакомству с вами и вашей очаровательной супругой. Так что, как бы там ни было, надеюсь на повторение нашей встречи и искренне прошу считать меня вашим другом...

Когда за репортером закрылась дверь, Аленка подняла на меня изумленные глаза и, сглотнув, спросила:

– Ром, так это мы что – в Америку переедем?

Глава 2

– Oh, Roman, are you already here? What are your sandwiches with today?¹ – Влетевший в sandwich hall громогласный растрепанный мужчина в мятом пиджаке и измочаленном галстуке, больше похожем на веревку, радостно махнул мне здоровенной лапищей и плюхнулся на диван, стоящий у окна, за которым открывался отличный вид на голый склон Талли Спринг.

– As usual with salmon, Steve², – слегка усмехнувшись сообщил я ему. Тот картинно сморщился:

– Ugh, how boring you are...³ – Сообщив мне эту, несомненно, важную, но давно уже совершенно не животрепещущую новость, мужчина зашуршал алюминиевой фольгой, доставая свои сэндвичи. Внешне Стив Донахью больше походил на лесоруба из Монтаны, которого жена насильно заставила надеть костюм, а не на associate professor кафедры философии, кем он являлся на самом деле. И – да, этот диалог у нас с ним стал уже традиционным. Потому что повторялся каждый sandwich lunch. Так в колледже именовали обед, или, вернее, этакий бургерно-сэндвичный перекус, который проходил как раз во время обеда, в перерыве между

---

¹ О, Роман, ты уже здесь? С чем у тебя сегодня бутерброды?

² Как обычно, с лососем, Стив.

³ Фу, какой ты скучный...

второй и третьей парами. В этот холл, в котором мы со Стивом сейчас расположились, сходились преподаватели, у которых или прошли, или должны начаться пары в этом здании, рассаживались по диванчикам, доставали свои lunch box, вытаскивали из них сэндвичи с бургерами и поедали их, общаясь друг с другом. Вследствие чего во время sandwich lunch в помещении стоял непрерывный гул. Если кому-то требовались напитки – в углу стоял кулер, а рядом лежали одноразовые пакетики с кофе и чаем. Но большинство, к моему удивлению, лопало свои сэндвичи с бургерами исключительно всухомятку, ну или запивая Coca-Cola, купленной в соседней аптеке. Спросите – зачем покупать Coca-Cola в аптеке? Да просто она была самой близкой к колледжу торговой точкой. А аптеки здесь, в Америке, представляли из себя, по существу, обычный магазин, в котором просто имелся большой сектор медикаментов и медицинских товаров. А так в нем продавалось все то же самое, что и в любом другом. Например, в местной аптеке был большой выбор сигарет и трубочного табака. А уж про эту традиционную американскую газировку, которую многие в оставленном мной будущем почитали за натуральное химическое оружие, и говорить нечего.

До Диллона, штат Монтана, в котором как раз и располагался тот самый Колледж Западной Монтаны, я добрался в начале апреля. Увы, несмотря на все влияние американского посла, сразу меня из страны не выпустили. Вроде как сам

Ельцин уперся. Не простил мне, сука, удара букетом по морде. Пришлось ждать, пока его уговорили... ну или подпоили.

Городок оказался настоящей дырой. Та самая одноэтажная Америка, о которой писали Ильф и Петров. Этакие американские Бронницы или там Медынь. Потому как Диллон был еще и столицей округа... Четыре тысячи жителей, десяток двухэтажных барачков, больше похожих на какие-нибудь склады или цеха советской провинциальной швейной фабрики, в которых размещалось несколько контор, магазинов и муниципальных учреждений, и сотни унылых, почти одинаковых одноэтажных домов, сделанных, как это говорится, «из говна и палок», с пристроенными или стоящими отдельно гаражами. Мансарды у этих домиков встречались редко. Полноценные вторые этажи еще реже. Короче, если сравнивать с какой-нибудь тверской деревней – шик и блеск, а вот по поводу какой-нибудь Коломны я бы уже не был столь категоричен... Единственной отрадой городка был этот самый колледж – несколько краснокирпичных корпусов в викторианско-псевдоготическом стиле с ухоженной территорией, засаженной роскошными елями. Ну и, с натяжкой, в эту категорию можно было бы отнести еще и музей округа Биверхед, устроенный, похоже, в старой пожарной части. Больше смотреть в этом городке было не на что...

– Hello, Roman!⁴

---

⁴ Привет, Роман!

– Steve, Roman, hi, how are you?⁵

Холл начал быстро заполняться преподавателями. Они плюхались на диванчики, шелестели фольгой и бумагой, разворачивая сэндвичи, и привычно вступали в разговоры, некоторые из которых вчера, на подобном же sandwich lunch, были прерваны буквально на полуслове. Ну, такие вот в колледже были традиции.

– Hello, Roman! – поприветствовал меня Фил Киркпатрик, такой же, как и я, assistant professor, то есть молодой преподаватель, но уже получивший свои часы преподавания, вследствие чего он относился ко мне с некоторой снисходительностью. Мы с ним обитали в соседних комнатах нашего блока кампуса колледжа, отведенного для молодых преподавателей, вследствие чего пересекались куда чаще, чем с остальными. Приветственно махнув мне рукой, он устремился к кулеру. Я знал, что вчера он допоздна веселился на вечеринке у кого-то из местных и нехило перебрал. Вследствие чего, похоже, до сих пор продолжал страдать от последствий... Набрав холодной воды и залпом выпив, он подхватил из тарелки пакетик «3 в 1» – кофе/сливки/сахар – и высыпал его в уже мокрый стакан. Чуть скривился, увидев результат, но не стал менять стаканчик, а просто подставил его под горячий кран...

После того как мне выдали рабочую визу, на семейном совете было принято решение, что сначала я полечу один,

---

⁵ Стив, Роман, привет, как дела?

обустроюсь там, а потом уже ко мне прилетят мои любимые. Старшей дочке только-только стукнуло 5 лет, то есть до школы еще время было. Тем более что в школу мы ее собирались отдавать не раньше, чем ей исполнилось бы семь. Как оно пока и было положено. Нет, в стране уже полным ходом шел переход на одиннадцатилетнее обучение, предусматривающее начало учебы с шести лет, но в той школе, в которую мы собирались ее отдать, пока все оставалось по-прежнему. Вот мы и не дергались... Так что никаких проблем с переездом не было. За исключением финансовой. То есть я надеялся, что и ее тоже нет – скорее всего, зарплаты преподавателя колледжа должно было хватить на содержание семьи вместе со съемом жилья. Особенно в такой глуши, как Диллон. Нет, так ли оно на самом деле – я знать не мог. Всезнайки-интернета ведь пока еще под рукой не было... Но то, что удалось узнать, давало надежду, что цены на съем жилья в городке будут не слишком высоки. Однако, как оно там точно будет, пока было непонятно. А ну как – как раз вследствие наличия колледжа – с этим делом там не так хорошо, как я надеюсь. Если в колледже отсутствует либо слишком маленький кампус – вполне возможен вариант, что цены на жилье задраны до небес. Но то, что колледж старый – он был открыт еще в 1893 году как педучилище, – настраивало на оптимизм. Вряд ли попечительский совет за сто лет не озаботился постройкой кампуса.

На первое время у меня деньги были. Во-первых, у нас

еще оставались в неприкосновенности доллары, которые я купил по осени. Потому что и продуктов было закуплено достаточно, и наличные рубли, которые хранились дома, у нас еще полностью не закончились. Памятуя, как все было в прошлый раз, я перед Новым годом перевел все деньги, что имелись на счетах, в наличку и положил в сейф... Ну так расходов-то у нас было не так и много – хлеб, молоко, свежее мясо с колбасой, еще пару раз покупали носки, а также помаду для Аленки. И все... Ну и, во-вторых, несколько неожиданно нам «капнуло» немножко рублей. Потому что одновременно с выдачей мне американской визы нам внезапно разблокировали счета. Нет, скорее всего, не для продолжения деятельности, а для выплат начисленных штрафов, но, как выяснилось, денег, поступивших на счета после снятия блокировки, оказалось... м-м-м... несколько больше, чем начисленных нам штрафов. Несмотря на то что оторвались на нас по полной... Вагифов воинственно собирался судиться с налоговиками, но я посоветовал ему плюнуть. Сколько бы нам ни начислили – уже через полгода это будут копейки. Лучше ему подумать насчет перерегистрации издательства и начать работу по новой. Потому как спрос на ту литературу, на которой мы специализируемся, в течение ближайших лет будет нарастать лавинообразно. А опыт работы на этом рынке у него теперь есть. Так что флаг ему в руки... После того как я озвучил это предложение, Вагифов озадаченно уставился на меня:

– Хм... Роман, я правильно понял – вы предлагаете новое издательство зарегистрировать только на меня?

– Ну да, Айхан Алиевич, – согласно кивнул я. – Мое имя в учредительных документах вам только помешает. И вы сами прекрасно об этом знаете.

– Но-о-о... как же... – неуверенно начал Вагифов, но тут же взял себя в руки и энергично кивнул: – Ну раз вы так считаете, Роман... Тогда вашу долю я буду выплачивать в составе роялти иностранным авторам. Договора-то заключены на вас.

Я молча кивнул. А что тут скажешь? Так-то оно правильно, но... будут ли вообще выплачиваться роялти – хрен его знает. Сейчас в стране с авторскими правами уже творится полный беспредел, а то ли еще будет. Не факт, что в тех условиях издательство, решившее выплачивать законные роялти иностранцам, имеет хоть какой-то шанс даже просто остаться на плаву... Но даже за подобное желание быть благодарным Вагифову все-таки стоит. А там посмотрим, как оно будет на самом деле.

Так вот, выяснилось, что даже после выплаты всех начисленных штрафов деньги на счетах еще остались. И произошло это в первую очередь из-за юридического казуса. Все начисления нам сделали еще по старым нормативам, т. е. советского времени, – ну не было у налоговиков еще никаких устанавливающих документов, учитывающих инфляцию в тысячи процентов, а продажи уже отпечатанных книг по-

сле разблокировки счетов у нас пошли уже по новым ценам, успевшим за два с лишним прошедших месяца изрядно взлететь. Так что, учитывая и то, что большинство гонораров мы закрыли еще в прошлом году авансовыми платежами, то есть затрат на выплаты авторам у нас в настоящий момент не было, вновь начавшие поступать на счета деньги перекрывали все начисленное с лихвой. Вследствие чего мне, по итогам первого квартала, перепала весьма солидная сумма. Не настолько сумасшедшая, как в прошлый год, когда еще оставалось советское госрегулирование цен, вследствие чего даже цены на рынках все равно плясали не столько от уровня спрос/предложения, сколько от цены в магазинах. Ибо люди были просто не готовы к тому, чтобы цены на рынке и в магазинах отличались настолько. Вследствие чего даже те, у которых деньги были, просто отказывались платить выше некоего определенного уровня. Типа: «Да пошли вы в жопу, спекулянты проклятые – хрен вам, а не мои рубли!» Поэтому даже в коммерческих магазинах цены были еще более-менее. Ну, по сравнению с тем, что творилось сейчас... Так что полученного мне вполне хватило и на то, чтобы восстановить потраченное из сейфа, и на покупку долларов для поездки, и даже на парочку просто вкусных покупок, которые ранее не планировались. Аленке перепал роскошный набор теней и румян фирмы Lancôme плюс нам домой был закуплен столовый набор Robert Welch на двенадцать персон. А вот дальнейшие закупки я обрезал. Потому что, в отличие от нас,

наши родственники с обеих сторон не последовали моему примеру и большую часть имеющихся у них денег перед отпуском цен тупо отволокли в сберкассу. Причем даже сейчас по-прежнему упорно отказывались их трогать. Любые же советы, вроде снять и по-быстрому купить доллары, пока рубли еще не настолько обесценились, напрочь игнорировались. Мол, ты не понимаешь, надо только чуть потерпеть, и «государство все пересчитает и компенсирует...», а пока ни в коем случае не трогать счета в сберкассе. Вследствие чего ситуация с финансами у них чем дальше, тем больше становилась все более катастрофической. И поэтому деньги стоило поберечь.

Как бы там ни было, благодаря такому неожиданному подарку у меня получилось «подарить» себе неделю в Нью-Йорке. В прошлой жизни я был в этом городе, но особенного впечатления он на меня не произвел. Никаких – «ах, Нью-Йорк, Большое яблоко, столица мира...», просто большой город со старыми, грязноватыми домами, неплохим, но единственным приличным парком в центре, с узкими улочками, массой автомобилей и очень редкими островками зелени. Впрочем, возможно, доберись я до него пораньше, пока в России еще творилась полная жопа, впечатление было бы иным. Но в 2010-м у нас уже все потихоньку стало налаживаться. Так что он меня ничем не поразил. Даже наоборот – выбесил! Как вам такое: заходишь в кафешку позавтракать с семьей и вместо шестидесяти долларов, кото-

рые ты, судя по меню, должен потратить, лишаешься сотни! Почему? Да потому, что, во-первых, все цены, что в кафе, что в магазинах, что на заправках и парковках, обозначены без налога с продаж, установленного в этом штате, который может доходить до восемнадцати и более процентов от цены. Так что не ведитесь на фотографии ценников в американских магазинах. Кроме того, что там, как правило, обозначены цены не за килограмм, а за фунт, что даже меньше полкило, к ним нужно еще прибавить от десяти процентов до четверти цены! Ну и, во-вторых – *tu tip*, чаевые, которые официанты просто забирают из оплаты, даже не заморачиваясь тем, хочешь ты давать на чай или обслуживание, вот ни разу не показалось тебе заслуживающим этого. Никаких «чаевые приветствуются, но остаются на ваше усмотрение»... А в отеле завтраки стоили от двадцати пяти долларов. За такую сумму где-нибудь в Греции можно вдвоем пообедать. Причем с вином и свежавыжатым соком. Но и этого мало! Потому что более-менее привычную нам еду мы искали в уличных кафешках дня три. Ибо даже в «Кафе Европа», расположенном на Бродвее в квартале от нашего отеля, самым бросающимся в глаза предметом интерьера была sdвоенная холодильная витрина, забитая пластиковыми упаковками готовых сэндвичей. Я же после всех путешествий по Европе как-то несколько иначе представлял себе европейскую кухню...

Но на этот раз все было немного по-другому. Во-первых,

я уже знал обо всех заморочках, так раздражавших меня в прошлый раз, и, во-вторых, на этот раз я остановился в том самом отеле «Плаза», в котором останавливался герой Макколея Калкина в фильме «Один дома: потерявшийся в Нью-Йорке». А в нем завтраки входили в цену номера. Да и общий уровень комфорта был на голову выше, чем у того, в котором мы остановились в прошлой жизни. Правда, и стоил он просто конски... Так что время в «Большом яблоке» я провел вполне себе с удовольствием – погулял по расположенному рядом Централ-парку, зайдя в зоопарк, снова посетил The Metropolitan Museum of Art. Даже нашел ту самую кафешку, в которой с нас так беззастенчиво слупили сотку долларов. Она уже вполне себе существовала. Но есть там не стал. Обойдутся! А еще умудрился съездить на Ниагарский водопад, потратив на поездку три дня, на две ночи остановившись в Буффало. В той поездке в 2010-м мы до него так и не добрались, потому что ехать до водопада от Нью-Йорка нужно было более шестисот километров... А на восьмой день своего пребывания на территории США я вылетел в Монтану.

– Роман, ну так что ты думаешь насчет моего предложения? – Я поднял голову. Стив наконец закончил расправу со своими сэндвичами и, поднявшись с дивана, подошел и навис надо мной всем своим крупным телом.

Дело в том, что Колледж Западной Монтаны считался весьма спортивным заведением. Еще с сороковых годов он

являлся членом Национальной ассоциации межвузовской легкой атлетики (NAIA) и весьма гордился своими спортивными успехами. Которые, впрочем, в последние годы попечительский совет и руководство колледжа скорее огорчали, нежели радовали. Так что, когда мистер Ронсон утверждал, что в мою кандидатуру вцепятся обеими руками, он был не так уж и далек от истины. И дело было совершенно не в том, что я где-то там, за границами США, совершил некий «неординарный поступок», а конкретно отхлестал цветочным веником президента какой-то там страны. И не в моей популярности как писателя. Тем более что эта популярность также была приобретена за границами Америки. Здесь же я пока был почти никем... Нет – дело было в моей олимпийской медали. Колледж возжаждал заполучить себе олимпийского чемпиона. Причем лучше всего в качестве тренера местной команды по легкой атлетике! И что с того, что я никогда им не работал. Да и в соревнованиях последний раз участвовал, дай бог памяти, лет пять назад. Причем более-менее серьезные из таковых, то есть входящие в календарь Международной легкоатлетической ассоциации, вообще можно было посчитать по пальцам. Двум. То есть Олимпиаду да Спартакиаду в предолимпийском году... Золотая медаль Олимпиады застила глаза и руководству, и попечительскому совету! Так что, едва я только появился, меня тут же начали обрабатывать насчет того, чтобы я принял на себя почетную должность тренера местной легкоатлетической ко-

манды. И главным действующим лицом этой компании был как раз Стив Донахью. Он, кстати, кроме своей должности преподавателя тоже занимал еще и пост тренера мужской команды по регби. Ну и, до кучи, он считался кем-то вроде неофициального дуайена всего спортивного направления колледжа. А может, даже и официального...

– Стив, я же тебе уже говорил – я никогда никого не тренировал, – со вздохом повторил я очередной раз. Но Донахью хитро прищурился:

– А то тебя самого кто-то как-то серьезно тренировал? – Он хлопнул меня по плечу: – Роман, у меня есть друг в легкоатлетической ассоциации, так вот он, по моей просьбе, спрашивал про тебя в вашей национальной легкоатлетической ассоциации... ну или как у вас это называется. И знаешь, что я тебе скажу? – Стив гордо вскинул голову и ткнул в меня пальцем: – Ему рассказали, что к той победной для тебя Олимпиаде ты готовился сам! Тренер занимался с тобой чисто формально. – С этими словами его палец гордо взлетел вверх.

– Стив, это было дюжину лет назад. Я уже давно не участвую в официальных соревнованиях... – А вокруг по-прежнему раздавался хруст, чавканье и гул голосов. Потому что подобные перепалки со Стивом у нас происходили практически на каждом sandwich lunch. Так что все к ним давно привыкли. И знали, что надолго они не затянутся. Так оно и произошло.

– Знаешь, Роман, – покровительственно произнес Фил, когда наша перепалка со Стивом закончилась и он ушел, – по-моему, ты зря так сопротивляешься.

Я слегка сморщился:

– Фил, я привык любую работу делать хорошо. А как делать хорошо эту работу – я не знаю. Потому что никогда ею не занимался. К тому же меня сюда пригласили преподавать русскую филологию, и к данной работе мне тоже нужно готовиться. Потому что она для меня основная. За нее мне, в конце концов, деньги платят.

– Но ты же ею пока все равно не занимаешься, – хитро прищурился Фил. – Твой курс будут набирать только летом.

– Да, – кивнул я, – но к тому моменту я должен быть готов его читать. А я пока не готов. Но я работаю над этим. Читаю материалы вашего колледжа и других учебных заведений по английской филологии. Ну, чтобы понять, как это делается у вас. Разбираюсь с действующими стандартами оформления и подачи материалов. Изучаю материалы по русской филологии, использующиеся в наших университетах и институтах. Готовлю свои... У меня просто нет времени на то, чтобы заняться тем же самым еще и по легкой атлетике, понимаешь? Слишком большой объем материалов я должен изучить.

– Ну и в чем проблема? – пожал плечами Фил. – Ты же бегаешь.

– Ну да. – Бегать я начал уже через неделю после того,

как добрался до Диллона. Когда организм окончательно перестроился на американское время. В принципе, основная перестройка произошла еще в Нью-Йорке, но между ним и Монтаной тоже имел место быть сдвиг по времени на два часа. А поскольку новый сдвиг обрушился на еще не до конца перестроившийся организм, которому вот только что пришлось привыкать к разнице во времени в семь часов, подстройка немного затянулась. Тем более что первые несколько дней оказались плотно загружены всякой бюрократией. Но местная бюрократия по сравнению с советской оказалась вполне себе вменяемой. Хотя будущие «Госуслуги» и МФЦ я по-прежнему вспоминал с огромной ностальгией... Однако, как бы там ни было, пятерочку я начал бегать уже на четвертый день после приезда. А десяточку – с прошлого понедельника. И даже уже начал примеряться к пятнашке, которую я регулярно не бегал уже года два. Но как это относится к моей подготовке к работе преподавателем или тренером, я не понял. Поэтому недоуменно спросил:

– И что?

– Так купи Walkman и нужные тебе аудиокурсы на кассетах и учи, что тебе нужно, пока бежишь. Так можно сэкономить много времени.

– Э-э-э... – Я слегка подзавис. Фил же гордо усмехнулся и покровительственно похлопал меня по плечу. После чего встал и двинулся в сторону выхода. Я проводил его слегка ошарашенным взглядом. Бли-и-ин... вот я чучмек!

Нет, опыта подобного обучения у меня не было, потому как в СССР с этим я никогда не сталкивался. И даже не видел ничего подобного. Хотя, возможно, где-то оно и было. Да точно было. Потому как почти во многих школах СССР были оборудованы лингафонные кабинеты. Впрочем, это были стационарные системы... Но в будущем-то таких аудиокурсов было до хрена и больше. Да и в библиотеке колледжа я видел что-то похожее на каталог подобных курсов. Во всяком случае, на обложке у него было изображение компакт-кассет. Плюс по телевизору вовсю шла реклама аудиоплееров Walkman, один из роликов которой как раз и рекламировал возможность учиться с его помощью в процессе прогулок или домашних дел. Вот чтоб мне чуть-чуть самому подумать... Между тем sandwich hall быстро пустел. Преподаватели, дожевав свои сэндвичи, расплзались по кабинетам, кафедрам и учебным классам. Так что минут через пять я снова остался в одиночестве.

В библиотеке на мой вопрос насчет аудиокурсов мне выдали аж несколько каталогов. Но физически у них, естественно, было не все. Однако милая дама лет сорока с роскошным бюстом, выдавшая мне каталоги, сообщила, что они могут оформить запрос на нужные курсы и те придут в течение пары недель.

– М-м-м... и сколько это будет стоить?

– Для вас бесплатно, мистер Марков. Вы же наш преподаватель, – даже слегка оскорбилась библиотекарь. Так что

я стушевался и, поблагодарив, поспешно ретировался, захватив три кассеты, которые имелись в нашей библиотеке. Теперь предстояло купить Walkman.

От колледжа до South Idaho street, на которой располагалась большая часть местных магазинов, было около мили. Вот только тротуары в Диллоне имелись далеко не на всех улицах. Несмотря на то что бег трусцой был в США уже довольно популярен, до вот таких маленьких городков эта мода дошла пока еще не в полной мере. Да и те, кто уже этим занимался, предпочитали бегать не вдоль улиц, а в парках и скверах, зачастую сначала добираясь до них на личных авто. Так что до единственного местного магазина электроники я добрался лишь через полчаса.

Магазинчик был практически пуст. В углу за узкой конторкой дремал довольно толстый парень весьма добродушного вида в надвинутой на нос бейсболке.

Когда я вошел, он встрепенулся и, раздвинув губы в явно привычной улыбке, весело проорал из-за конторки:

– Mister, if you have a question, I'm here!⁶ – не сделав даже и попытки оторвать свой зад от стула. Впрочем, глядя на его добродушную физиономию, сердиться мне совсем не хотелось.

– Yes, I have a question⁷, – усмехнулся я, подходя побли-

---

⁶ Мистер, если у вас есть вопрос, я здесь!

⁷ Да, у меня есть вопрос.

же. – I want to buy a Walkman⁸.

Парень тут же принял крайне деловитый вид и уточнил:
– Which brand?⁹

Я слегка завис. А что, Walkman бывают разных марок?
– Э-э... Sony.

– A-a-a... walkman Walkman? No problem, sir! Do you have a preference for the model?¹⁰

Как выяснилось, волкменами здесь именовались все портативные аудиоплееры независимо от марки. Ну, типа, как в будущем, вне зависимости от используемой поисковой системы, все говорят «погугли». Впрочем, возможно, это была заморочка конкретно этого паренька. Хотя вряд ли. Фил же тоже использовал слово Walkman...

Закончив с покупками, я вышел из магазина и остановился. Через пару кварталов располагалась букмекерская контора, в которой я каждую неделю покупал и заполнял билеты трех из пяти самых крупных американских лотерей. Ну да – я решил попробовать как-то реализовать мою информацию по выигрышным номерам, которые довольно долго использовались мной в качестве пароля к своему компу. Проблема была в том, что лотерей в США проводилось много, и, к какой именно относились эти выигрышные номера, я не пом-

---

⁸ Я хочу купить Walkman.

⁹ Какой марки?

¹⁰ A-a-a... волкмэн Walkman? Никаких проблем, сэр! У вас есть предпочтения в отношении модели?

нил даже в покинутом мной будущем. Вот такой прикол – номера помнил, а к какой лотерее они относятся – нет. Их же были сотни! И в нашем захолустье продавались билеты далеко не всех из них.

Дело в том, что никакой единой общеамериканской лотереи в США не существовало. И даже самые крупные из них действовали на территории максимум нескольких десятков штатов. А большинство вообще в одном-двух. Но, насколько я помнил, тот выигрыш, за которым не пришли, был довольно крупным. Так что шанс на то, что это окажется одна из лотерей с наибольшим охватом, был. Но вот ведь какая хрень – из пяти лотерей с максимальным охватом в Монтане можно было приобрести билеты только трех из них. Вот их я и покупал. Ставить же на все возможные – так у меня денег не хватит. Даже три моих ставки обходились мне в сорок долларов в неделю. Потому что я не был уверен в том, что помнил цифры совершенно точно. А добавление даже еще одного числа в зависимости от типа лотереи ушестеряло и усемеряло варианты, за каковые приходилось доплачивать. Так что – начини я ставить на все подряд, и можно было запросто остаться без штанов, несмотря ни на какие доходы. Тем более что доходов этих у меня было не так и много. Продажи моих книг в США шли ни шатко ни валко, хотя пул текстов, переведенных на английский язык, постепенно рос, а зарплата преподавателя колледжа, как выяснилось, оказалась сильно зависима от «начитанных» часов, которых у ме-

ня пока не было. Так что даже снять жилье и привезти сюда семью мне было пока не на что. Вот с сентября начну читать курс — тогда все и сделаю... Да что там говорить — я даже год выигрыша не помнил. Только то, что это было в девяностых. А когда именно — в начале девяностых, середине или конце — без понятия. Вот когда Сорос устроил обрушение английского фунта, я помнил точно, изучал как-то, собираюсь использовать инфу в одной из своих альтернативок, но потом передумал, и не пригодилось... а когда произошел тот самый выигрыш, за которым никто не пришел, нет.

Я бросил задумчивый взгляд в сторону букмекерской конторы. Обычно я покупал и заполнял билеты по четвергам, сегодня же была среда. Но я ж уже здесь. Так зачем ждать? Тем более что там пока почти никого нет. Рано. Все еще на работе... Вообще-то американцы оказались весьма азартными людьми, но большинство ставило на спорт. На выигрыш той или иной команды по бейсболу, регби, американскому футболу или скачкам. На счет матчей. На распределение мест в итоговой таблице. Лотереи же привлекали внимание более-менее крупного числа игроков только тогда, когда у них накапливался весьма солидный джекпот. Ну, по нынешним меркам. В оставленном мной будущем джекпоты, помнится, доходили до полутора миллиардов долларов, здесь же даже пятьдесят миллионов считались сумасшедшей суммой... Я усмехнулся. Пятьдесят. Мне бы и пяти хватило. На все. Наверное... После чего повернулся и двинулся

по улице в сторону букмекерской конторы.

Глава 3

Я быстро прошел к кафедре и шлепнул на нее конспект лекции, после чего окинул взглядом аудиторию. Она была переполнена. Студенты не только теснились на скамейках, но и сидели на стульях, установленных в проходах, и толпились у двери. И это самая большая аудитория колледжа! Да уж, моя установочная лекция точно войдет в анналы истории этого учебного заведения... Вот только русская филология не имела к такой популярности никакого отношения. Эти ребята набились в аудиторию для того, чтобы посмотреть на везунчика. На любимца фортуны! На типчика, ухватившего бога за бороду...

Мой билет победил в розыгрыше Lucky America¹¹, который состоялся в воскресенье, двадцать восьмого июня. Ее джекпот к тому моменту дорос до совершенно сумасшедшей по текущим временам суммы в семьдесят три миллиона долларов. Что, по всем меркам, было рекордом... Ну, то есть не факт, что это оказался самый крупный на текущий момент выигрыш всех времен и народов, но в топ-3 он входил точно! Потому-то о нем, кстати, тогда и писали. Ну кому интересно, если не придут за выигрышем в десять тысяч долларов?

---

¹¹ Название лотереи придумано автором, хотя я не исключаю, что подобная лотерея в США существовала на самом деле. Но к сюжету книги она никакого отношения не имеет.

Или в сто. Да даже в миллион! А вот когда не объявляется человек, выигравший такую бешеную сумму, что даже сам по себе ее выигрыш уже является горячей новостью...

Регистрировать выигрышный билет я поехал в Айдахо-Фоллс, городок в пятнадцать раз больше нашего Диллона, расположенный в соседнем штате Айдахо, до которого от нас было около ста сорока миль. Поскольку машиной я пока еще не обзавелся, ехать пришлось на автобусе. Зачем? Ну не хотел я светиться! Чревато. И здесь. И уж тем более дома. Если не дай бог инфа дойдет до России с ее разворачивающимся бандитским беспределом... Но у меня ничего не получилось.

Во-первых, как выяснилось, здесь, в Америке, лотереи поощряют офис, который продал выигрышный билет. Так что, когда я добрался до конторы и, выбрав момент, в который рядом с букмекером, крепким седым мужиком лет шестидесяти, больше похожим на отставного пожарного или полицейского, никого не было, сунул билет ему в окошко, он, сверившись с таблицей, которая, слава тебе господи, уже была выведена на экран компа, а не присутствовала в бумажном виде, удивленно воззрился на меня:

– Мистер, прошу прощения, может, это, конечно, не мое дело, но вы ведь покупали и заполняли билет не у нас?

– Да, – озадаченно кивнул я. – А что, с этим какие-то проблемы? – Ну не случалось мне до сего момента получать выигрыши лотереи ни в этой, ни в прошлой жизни.

– Да, в общем-то, нет... – задумчиво протянул мужик, а потом снова спросил: – А вы покупали его где-то, где были проездом?

– Нет. Но разве это важно?

– Ну, вам решать, конечно. Но вот что я вам скажу – ваша лотерея поощряет офисы, которые продали выигрышный билет. Так что ребята, работающие в том месте, где вы его покупали, уже давно ждут вас в гости, чтобы поздравить. Если это, конечно, произошло поблизости от вашего дома. Так что вам лучше обратиться за выигрышем к ним... Ну, если вы не хотите испортить отношения со своими земляками.

– М-м-м... – Я слегка подвис. – А если я вообще не хочу, чтобы о моем выигрыше кто-то знал?

– А вот это не получится, мистер, – усмехнулся мужик и, развернув билет, отчеркнул ногтем часть текста, напечатанного мелким шрифтом на его обратной стороне. – Вот тут написано, что вы или ваш представитель обязуетесь в случае выигрыша джекпота появиться на одном из следующих розыгрышей и принять в нем участие в качестве почетного гостя. И что согласиен на это является сам факт покупки и заполнения билета лотереи. – Тут он насмешливо развел руками.

Я замер. Вот это подста-ава... Черт! Может, ну его – пусть этот выигрыш так и останется никем не полученным? Я скрипнул зубами... Да, блин! Было бы там хотя бы денег поменьше – точно бы плюнул, а так – жаба задушит.

– М-м-м... спасибо, мистер, я так и сделаю. – Мужик добродушно кивнул и протянул билет мне обратно. Я быстро огляделся. В помещении кроме нас с букмекером находилось еще человек шесть и на первый взгляд разговором никто не заинтересовался. Но кто его знает, как оно на самом деле. Лучше подстраховаться...

До Диллона я добрался на такси. Причем сначала сел на автобус, который ехал по 91-му шоссе в сторону Покателло, но сошел с него уже в Митчелле, где и арендовал такси. Путешествие с комфортом обошлось мне почти в пятьсот долларов. Так что таксист, скорее всего, на мне изрядно нажил-ся. Ну да и хрен с ним.

А уже на следующий день я нервно лыбился в объективы телекамер, рассказывая, что всегда мечтал выиграть в лоте-рею, регулярно покупая билеты. Еще дома. «Спортлото». Но всегда этого стеснялся, так что дома делал это тайком даже от семьи. А вот тут я пока без семьи, так что... И – да, у меня есть счастливые числа, на которые я всегда и ставил. Да-да, вот смотрите, несколько старых билетов. И на них тоже те самые числа... Весь этот шумер продолжался целый день. Кроме парочки местных телеканалов и газет я дал интервью еще полудюжине радиостанций, а также общенациональной ABC, бригада которой прилетела на вертолете из Биллингса, самого крупного города штата.

Так что еще через день я стал местной звездой! Меня узнавали на улицах, на парковках магазинов, на заправках,

незнакомые люди подходили ко мне, хлопали по плечу, жали руку, просили разрешения со мной сфотографироваться. Причем не на телефоны, как в том, покинутом мной будущем, которые всегда с собой, в кармане, а на здоровенные фотоаппараты, за которыми они готовы были даже съездить. Если я готов подождать «вот буквально пять минуточек»...

А вечером в моих апартаментах в преподавательском блоке нашего кампуса зазвонил телефон. И стоило мне поднять трубку, как напористый бодрый мужской голос радостно сообщил мне, что на мое имя забронированы билеты на рейс до Майами на субботу, за которыми надо подойти в офис Delta в аэропорту Хеллены, столицы штата, до которой от нас было около ста тридцати миль, где предъявить водительские права или карточку социального страхования. Рейс оказался не прямым, так что в Нью-Йорке мне нужно было сделать пересадку, но там, по словам того, кто со мной разговаривал, было все просто... А в самом Майами меня встретят и разместят в самой крутой гостинице не только Майами, но всей Флориды, названия которой я не расслышал. Но именно в ней в воскресенье и будет производиться розыгрыш очередного тиража «лучшей в Америке лотереи», на котором мне вручат символический чек на выигранную мной сумму...

Все мои попытки хоть как-то остановить словесный поток и задать вопрос были напрочь проигнорированы. А в конце мне было заявлено:

– Не тушуйся, парень. В воскресенье тебе будет завидовать вся Америка! – После чего в динамике послышались короткие гудки.

Отель в Майами оказался вполне себе неплохим. Не Ashford Castle и не Burj Al Arab, конечно, но в последнем я никогда и не останавливался. А вот, скажем, в Лас-Вегасе мне в прошлой жизни побывать удалось. Причем еще на этапе планирования путешествия я твердо решил проиграть там соточку баксов. Игровая столица мира как-никак! И даже когда мы уже подъезжали к городу, я был твердо уверен, что сделаю это... Но стоило только заселиться в отель и выйти погулять – как отрезало! Дело в том, что, несмотря на все мое армейское прошлое, у меня есть пунктик насчет попыток мной манипулировать и к чему-то принуждать. Особенно исподтишка. А в Лас-Вегасе этим было пропитано все вокруг. Да ты даже с улицы до лифтов не мог пройти, не заходя в игровой зал. Маршрут был проложен так, что, захоти я бросить чемодан и сесть за ломберный стол, достаточно было сделать всего один шаг в сторону. Точно так же маршрут от лифтов до ресторана тоже был проложен сквозь игровые залы. Фото в номерах, картинки в лифте, реклама на улице – куда ни глянь, с любой стороны тебя вроде как ненавязчиво, но настойчиво и упорно подталкивали: играй, играй, играй...

Нет, я честно пытался. Ну идиотизм же – быть в Лас-Вегасе и ни разу не сыграть! Пару раз заходил в зал «однору-

ких бандитов». Раза три сходил с дорожки, ведущей к лифтам или ресторанам, и останавливался у столов с блек-джеком и рулеткой, но пересилить себя так и не смог...

Шоу, сопровождавшее розыгрыш очередного тиража, было поставлено на высшем уровне. Актеры, политики, кордебалет. Организаторы привлекли даже Дайану Росс! Что, кстати, помогло мне все это выдержать. Хотя ведущий по окончании меня даже слегка сердито пожурил:

– Мистер Markoff, ну что за гримаса была на вашем лице все время? Это же не улыбка, это ж оскал! Мне даже показалось, что вы не выиграли сумасшедшую сумму в лотерею, а, наоборот, проиграли. Ну или FBI взяло вас за задницу за неуплату налогов...

– Я не очень люблю публичность, – пробормотал я, кривя жалкую улыбку.

– И зря, – ведущий ткнул в меня пальцем. – Можете мне поверить – уже завтра продажи ваших книг подпрыгнут на небывалую высоту. Американцы любят как-то прислониться к победителям. Купить майку успешного спортсмена, бейсболку с его номером, приобрести книжку известной личности, взять у нее автограф...

– Э-э-э... – Я слегка подвис. Ну да – мужик вытянул из меня то, что я писатель! Но под таким углом я монетизацию своей популярности не рассматривал. Что ж, возможно, с этого выигрыша удастся получить и еще какой-нибудь бонус.

А на следующий день меня ошарашили информацией, что вместо семидесяти трех миллионов мне причитается только около двадцати четырех. Одну треть! Нет, эту сумму можно было увеличить, если я соглашусь получить выигрыш в течение тридцати лет равными долями. То есть в этом случае мне обещали выплатить все выигранное. Ну, за исключением налогов. Впрочем, и их тоже получалось урезать. Потому что максимальная ставка налогов начислялась на сумму дохода более пятисот тысяч долларов в год. То есть за тридцать лет я могу сэкономить несколько миллионов только на налогах... Но тогда получалось, что окончательно лотерея рассчитается со мной в 2022 году. И при этом, естественно, никто не мог гарантировать, что сама лотерея просуществует все эти тридцать лет. За подобные сроки разорялись и разпадались куда как более крупные и богатые корпорации... Так что данный вариант я отверг. К тому же у меня уже были свои планы на эти деньги. Вернее, пока наметки... Как бы там ни было, по правилам лотереи в том случае, если я выберу одномоментную выплату, мне причитается именно такая сумма. Впрочем, основную роль в том, что я получу треть от выигранного, играли все-таки не жадность и разводилово организаторов лотереи, а налоговая система США. Как я уже упоминал, в случае годового дохода более пятисот тысяч долларов на него начислялась максимальная налоговая ставка, которая превышала пятьдесят процентов. То есть из семидесяти трех миллионов долларов выигрыша где-то око-

ло сорока миллионов забирало себе самое свободное и демократическое государство планеты в лице своей налоговой службы...

Если честно, подобные загогулины меня взбесили. Потому что на шоу мне вручили огромную простыню муляжа чека, на котором было черным по белому написано «семьдесят три миллиона», и заставили размахивать ею над своей головой. И ведь знали, суки, что на руки я получу меньше трети! Однако, переспав ночь с этой информацией, я решил не поднимать бучу. Во-первых, бесполезно. И во-вторых, у меня появилась мысль, как слегка приумножить имеющиеся деньги. Для чего, впрочем, требовалось провести кое-какую подготовительную работу. Ну и вообще получить информацию о том, на что я могу рассчитывать. Так что на следующий день после завтрака я уточнил на ресепшене отеля, не могут ли они мне подсказать приличного налогового консультанта. Девушка, к которой я обратился, сначала слегка затупила, а потом принялась спешно листать местные «Желтые страницы»¹².

– Эм... я, конечно, не знаю точно, – слегка растерянно забормотала она, – но вот тут есть теле...

– Вам чем-то помочь, мистер... – обратился ко мне возникший за ее спиной мужчина. Похоже, какой-то мелкий на-

---

¹² Самый популярный телефонный каталог с большим разделом структурированной информации (... Hospitals, Hotels, House, Hydraulic, Hydroponics, Ice, Information, Insulation, Insurance ...).

чальник. Ну, там, старший менеджер службы размещения... А в следующее мгновение его глаза широко распахнулись и он воскликнул: – Оу! Мистер Марков! Я видел вас вчера на NBC! Чем я могу вам помочь?

– М-м-м... – Я слегка стушевался. Не привык как-то к тому, что меня начнут узнавать вот так, с налета. – Дело в том, что мне нужен налоговый консультант...

Я вынырнул из воспоминаний и окинул взглядом переполненную аудиторию. Вы пришли просто посмотреть на счастливого, на типа, которому на голову свалилась неожиданная удача, – а хрен вам на воротник. От моих лекций вы тоже охренеете. Я улыбнулся и начал:

– Итак, господа и дамы, сегодня мы начинаем курс, который я назвал «Русский язык – последняя версия общемирового языка».

Как вы знаете, мировых языков в настоящий момент насчитывается всего шесть. Еще два когда-то обладали подобным статусом, но к настоящему моменту утратили его. Первым из таковых стала латынь...

Из Майами я улетел только через неделю. Изрядно опустошив кошелек. Дело в том, что выигрыш мне должны были перечислить в течение месяца. А сейчас я тратил те деньги, что у меня уже были. Но для проживания в самом дорогом отеле Майами их было совсем недостаточно. Номер же у меня был оплачен только на один уик-энд. Однако пока мне было не до переезда... Консультации у налогового адвока-

та, к которому меня отправил тот старший менеджер, оказались ограниченно полезными. Ну зачем мне было знать, что из суммы, которую я должен буду заплатить в качестве налогов, где-то около сорока процентов отойдет федеральному правительству, от десяти до пятнадцати – штату, а остальное уйдет местным властям. Но зато я узнал, что именно на меня возлагается обязанность уплатить все, до копеечки, положенные налоги. Хорошей новостью было то, что я был совершенно не обязан делать это прямо сейчас. Крайний срок погашения всех недоимок по налогам – первый квартал следующего за отчетным года... Новым пунктом моей остановки был Бостон. Потому что мне нужно было найти человека, который в этом году окончил Гарвардскую школу бизнеса. Ибо на этот раз я точно знал, кто именно мне нужен.

Сложно представить, сколько всякой ненужной в обычной жизни информации может скопиться в голове у писателя, работающего в том числе и в жанре альтернативной истории. Я помнил состав дымного пороха, как проходят малый и большой круги кровообращения, где расположен и когда был основан Албазинский острог, маршрут Алсиба, состав стали Гадфильда, дату принятия Навигационного акта, то, каким образом Ротшильды сумели обути всю Британию путем перехвата сообщения о проигрыше Наполеона в битве при Ватерлоо, сотню-другую фамилий будущих знаменитых актеров, финансистов, бизнесменов, типа пока еще никому не известных Мэттью Макконахи, Марго Робби, Илона

Маска, Билла Экмана, Джаннет Йеллен или Джека Ма, и еще очень-очень много всякого. Но все эти знания были крайне отрывочны и несистемны. Кусочек отсюда, кусочек оттуда... Типа тех же выигрышных номеров. Ведь, по большому счету, мне просто повезло, что та лотерея, в которую я выиграл, разыгрывалась и в Монтане. Вполне могло случиться, что эти номера относились к какой-нибудь другой лотерее, у которой в нашем бедном и, прямо скажем, захолустном штате представительства не имелось. Тогда бы это знание мне ничем бы не помогло... Но вот сработало. И я искренне надеялся, что и следующий оказавшийся в моей памяти «кусочек» так же удастся использовать себе на пользу. Ну, если я смогу отыскать того, кого хочу.

– ...Несмотря на то что Россия как государство имеет уже более чем тысячелетнюю историю, русский язык достаточно молод. По существу, он родился очень недавно. Всего чуть более полутора веков назад. То есть он даже моложе Америки. – Я сделал паузу и бросил взгляд на переполненную аудиторию. Во-от... Молодцы! Из большинства взглядов ушла та самая оловянная остекленность и щенячий восторг и возникло осмысленное выражение. А кое у кого в направленных на меня взглядах даже появились зачатки удивления и как бы даже возмущения.

– Вы можете спросить меня: как же так, государство имеет тысячелетнюю историю, а языку народа, его образовавшего, менее двухсот лет? Но я не зря вынес в название курса опре-

деление – «мировой». Дело в том, что тот язык, который существовал до начала тридцатых годов девятнадцатого века, не мог обозначаться этим понятием. Он не был мировым. Это был язык народа, отчаянно борющегося за свое существование. Если мы немного углубимся в историю и сопоставим факты, то увидим, что русские практически никогда не нападали первыми. Но всегда по полной отвечали на агрессию. Северная война, по итогам которой Швеция из Балтийской империи превратилась во второразрядную страну, началась не в 1700 году, а в 1240-м, когда войско шведов высадилось в устье Невы, дабы захватить русские земли. Раздел Польши, результатом которого стало исчезновение этого государства на целых два века, начался не в 1770 году, а в 1610-м, оккупацией поляками Москвы. Казаки Ермака захватили Сибирь в ответ на многочисленные набеги и грабежи сибирского хана Кучума. Причем изначально такой задачи перед Ермаком не стояло. Он должен был просто обезопасить солеварни, рудники и заводы нанявших его купцов Строгановых. Но так же, как и Венеции начала пятнадцатого века, сильно страдавшей от набегов далматинских пиратов, окончательно решить эту задачу оказалось возможно лишь полным захватом побережья Далмации, будущей Хорватии, так и Ермаку для выполнения поставленной задачи пришлось ликвидировать гнездо разбойников и работорговцев, каковым являлось созданное выходцем из бухарского рода Шейбанидов ханом Кучумом Сибирское ханство. Уни-

чтожение Крымского ханства и утверждение России на берегах Черного моря стало окончательно неизбежным после сожжения Москвы в 1571 году... Однако лишь после разгрома Наполеона и взятия Парижа русские, впервые за всю свою историю, оказались в уникальной ситуации. В ситуации, когда они внезапно осознали, что им, как народу, уже ничего не может угрожать. Да – они могли проиграть войну. Что не случилось до этого, и от чего русские не оказались застрахованы и позже. Да, в стране мог разразиться кризис, произойти бунт, революция, от нее могли отпасть окраины, но самому существованию народа, по всем проявившимся в тот момент признакам, это уже никак не угрожало. И именно тогда пришло время появиться новому мировому языку...

В Нью-Йорке я заселился все в ту же «Плазу». Этот отель пока был ну совсем не по моим деньгам, но я еще в Майами озаботился открытием счета в самом крупном банке США – Citibank, где мне сразу же после того, как узнали, для каких целей я его открываю, торжественно презентовали платиновую кредитную карту с бесплатным годовым обслуживанием. Так что сейчас я мог не особенно стесняться в расходах.

Сделав дежурный звонок в колледж, дабы сообщить, где меня можно найти, я набрал наш домашний телефон. В Нью-Йорке был почти час пополудни, так что в Москве где-то около девяти вечера. Мои, скорее всего, еще не спят.

– Ромка?! – Голос любимой зазвенел в трубке счастливым колокольчиком. А спустя мгновение чуть приглушенно

к нему присоединились вопли детей на заднем плане:

– Папа! Папа...

У меня запершило в горле, а в голове всплыла предательская мыслишка. А может, ну его... Деньги, конечно, решают большинство мелких проблем и дают кое-какую свободу, но большие деньги – это и появление столь же больших проблем. А на хрена нам большие проблемы?

Но потом я разозлился на себя. Потому что главное, что я понял за две своих жизни, – это то, что жизнь – штука предельно справедливая. И отмеряет каждому по делам его. Нет, далеко не сразу. Может пройти очень много времени, прежде чем «вознаграждение» за все хорошее и все плохое тебя настигнет. Но оно настигает тебя всегда! Рано или поздно, так или иначе... И еще жизнь очень не любит, когда ты пускаешь предоставленные тебе шансы и свалившиеся на тебя ниоткуда ресурсы на какую-нибудь фигню. Успокаиваешься. Считаешь, что у тебя не только уже все хорошо, но и это самое хорошо – навсегда. То есть железобетонно и неизменно. Поэтому можно сложить ручки на пузе и наслаждаться...

Ухнув на сорок минут разговоров с семьей сумму, на которую в этом дико дорогом отеле можно было прожить не меньше недели (эх, где вы, такие привычные и удобные WhatsApp и Telegram), я попрощался с любимыми и набрал следующий номер.

– Слушаю!

– Привет, Пыря!

– Эх ты – сам американец? – Голос старого друга потеплел. – Сто лет тебя не слышал. Как ты там?

Я облегченно выдохнул. Похоже, информация о том, что я выиграл дикую кучу денег, по России еще не распространилась. Аленка тоже об этом не упомянула, но она у меня не особенно любит смотреть новости, так что могла пропустить, а вот Пыря, если бы знал, непременно б поерничал... Нет, понятно, что это ненадолго. День-два, максимум неделя, и об этом начнут вещать из каждого утюга. Но пока время еще есть.

– Ты как, увольняться не думаешь?

В трубке на несколько мгновений повисла тишина, а затем настороженный голос Пыри спросил:

– А ты откуда знаешь?

– Да я не знал, просто спросил наугад. Но если так – у меня для тебя есть одно предложение...

Полдень следующего дня я встретил в одном из старейших и респектабельнейших заведений Нью-Йорка. Ресторан Delmonico's, расположенный на Beaver street, считался весьма пафосным и очень дорогим заведением, но мне требовалось произвести на своего сегодняшнего гостя должное впечатление.

– Вы хотели меня видеть, мистер?

– Да, Билл, – я усмехнулся и сделал приглашающий жест.

– Слушаю вас. – Билл Экман, в будущем миллиардер и легенда фондового рынка США, а сегодня еще просто моло-

дой сопляк, только-только окончивший ту самую Гарвардскую школу бизнеса, с демонстративно независимым видом устроился напротив и вперил в меня непроницаемый взгляд. Ну, так ему, наверное, казалось...

– Билл, меня зовут Роман Марков. Я – преподаватель русской филологии в Колледже Западной Монтаны.

– Оу! – Сидящий напротив меня парень удивленно вскинул брови, а потом саркастически усмехнулся: – И чем же я смог заинтересовать такую фигуру, как преподаватель русской филологии в Колледже Западной Монтаны? – Он был тем еще наглецом. И в будущем прославился массой нестандартных поступков. Например, он нанял в свою финансово-инвестиционную компанию человека, который был инструктором по рыбной ловле, а еще бывшего профессионального теннисиста и даже «человека, с которым ехал в такси». Но, в отличие от всех ныне живущих, я знал, чего он сумел добиться... К тому же мне нужен был именно такой – авантюрист, способный отринуть стандартные подходы. Поэтому у меня были очень большие надежды на то, что мы с ним договоримся.

– Я собираюсь вложить некоторую сумму денег в игру на финансовом рынке. Но не хочу связываться с «респектабельными» брокерскими конторами. – Тут я добавил в голос немного иронии и чуточку презрения. Сидящему передо мной молодому человеку было всего двадцать шесть. Он был на три года младше меня. К тому же, повторяюсь, он был

очень амбициозен. Так что толика иронии и презрения насчет «стариков» точно не помешает. – Мне нужен молодой, талантливый и амбициозный партнер, способный пойти на риск.

– Эм... спасибо за комплименты, но, к сожалению, я сейчас занят организацией... – Было видно, что мои слова ему понравились, поэтому вместо резкого отказа, который Экман явно хотел озвучить минутой ранее, после моего заявления он решил смягчить свою речь. Но я не дал ему закончить:

– Пятьдесят миллионов долларов.

– Э-э-э... что?

Я улыбнулся:

– Минимум. Эту сумму я планирую потратить на игру на курсах. – Я замолчал. Мой собеседник тоже молча буравил меня взглядом. На некоторое время над нашим столиком повисла напряженная тишина, но затем Билл не выдержал и негромко спросил:

– Вот как? И откуда такие деньги?

– Я выиграл в лотерею.

Экман впился в меня взглядом, после чего на его лице мелькнуло узнавание.

– А-а-а... то-то я гадаю, откуда ваше лицо мне знакомо. Самый крупный выигрыш за-а-а... сколько-то там лет! И вы хотите ухнуть их разом? Послушайте, это глупо, – он несколько покровительственно усмехнулся. – Нет, по уму,

я должен, конечно, согласиться, а потом доить вас несколько лет или, при удаче, десятилетий, пока ваши деньги не иссякнут окончательно, но я все-таки попытаюсь...

– И еще у меня есть кое-какая конфиденциальная информация.

Парень замолчал и напряженно уставился на меня. Я кивнул и, наклонившись вперед, продолжил, понизив голос:

– Инсайд. Очень высокого уровня. Сам я реализовать его никогда не смогу. Потому что из всего, что нужно для того, чтобы это сделать, у меня есть только деньги. А это даже не пять процентов от потребного.

– Хм-м... – Экман удовлетворенно кивнул. Похоже, моя оценка ситуации ему понравилась.

– Как вы вышли на меня?

Я пожал плечами:

– Приехал в Бостон и запросил личные дела выпускников Гарвардской школы бизнеса. – После чего едва заметно улыбнулся и продолжил – У меня есть еще три кандидата, но вы – первый, с кем я решил поговорить. – Это было не совсем так. То есть кандидаты-то у меня были, но, в отличие от этого парня, я не знал о них ничего. Ни кем они стали, ни чего добились, ни насколько авантюры и талантливый. Так что, по большому счету, кандидат у меня был один. Но ему об этом знать не следовало...

– М-м-м... насчет вашей информации ничего не намеряете?

Я задумался.

– Ну-у, если только то, что организаторы собираются заработать около миллиарда долларов за один день!

– Фью! – Билл не удержался и присвистнул, отчего на нас тут же начали недовольно коситься с соседних столиков. Это ж респектабельнейшее заведение! Ну как можно так себя вести... Но я не обратил на это никакого внимания. Потому что понял – все, он мой!

Глава 4

– Пора?!

– Нет...

Я замолчал и продолжил отчаянно грызть ногти. Ну вот никогда у меня не было подобной привычки, но за последние несколько часов я превратился в какое-то убогое, нервное чмо с полным набором самых отстойных манер. Я грыз ногти, я истерил, я психовал... да что там – я обоссался! Нет, не в штаны, слава богу... но в туалет я бегал каждые минут пятнадцать. А все остальное время литрами поглощал кофе и жрал хот-доги, заедая стресс. Почему именно хот-доги? Да потому что это была единственная еда, которую можно было получить очень быстро. Из-за того, что для этого нужно было только высунуться из окна конторы и крикнуть уличному продавцу «горячих собак», чья торговая будка-прицеп приютилась у ближайшего пешеходного перехода:

– Эй, Кортес, три хот-дога с кетчупом и горчицей и среднюю бутылку колы в офис 2034!

Как мне объяснили в первый же день моего появления в этом офисе, данную «точку» много лет держали какие-то латиносы. И издавна повелось, что всех продавцов, которые на ней работали, именовали «Кортес». Вне зависимости от того, как их звали на самом деле. Почему так повелось – никто так мне и не рассказал, но к настоящему мо-

менту это была уже традиция, освященная временем... Так что это был единственный доступный «моментальный» заказ. Ну не было тут пока никаких «Деливери-клуб» или «Яндекс. еда». А местные «моби́лы» были исключительно кнопочными с ма-а-аленьким экраном, на котором не отражалось ничего, кроме набираемого номера, причем таких размеров и веса, что их можно было использовать вместо дубинок. Уж больно они были массивны и габаритны... Нет, можно было порыться в местных «Желтых страницах», увесистый том которых валялся на тумбочке рядом с проводным телефонным аппаратом, которым в это время был непременно оборудован любой сдаваемый в Америке офис, и заказать доставку по телефону. Скажем, ту же пиццу доставляли, в принципе, довольно быстро. И я даже раза три пытался это сделать. Потому как очень не люблю такой вот «жесткий» фастфуд. А пицца – это, по моему мнению, тоже, конечно, далеко не здоровая пища, но все-таки нечто немного другое. Намного более вкусное и хоть и чуть-чуть, но менее вредное. Однако, едва только я отыскивал в справочнике номер какой-нибудь соседней пиццерии или хотя бы просто расположенной где-то здесь, на Манхэттене, как коти́ровки на зеленоватом экране монитора начинали скакать как сумасшедшие, всюду расцветчиваясь красными строчками. А это означало, что мы теряем деньги! Вот так вот – в процессе неуклонного падения фунта время от времени случались всплески его взлета, причем достаточно сильные, вследствие

чего по некоторым позициям мы влетали на «маржин-колл» и обнуление позиции. И я мгновенно забывал обо всем, впинаясь взглядом в экран и-и-и... ну да, принимаясь отчаянно грызть ногти.

– Слушай, Банк Англии уже влил в попытку удержать фунт больше двадцати миллиардов. Ну пора же! – снова подал я голос еще минут через двадцать. Билл, скрипнув колесиками кресла, резко развернулся ко мне всем телом и установился на меня насмешливым взглядом:

– Роман, кто из нас трейдер?

– Ну-у-у... ты. Но деньги-то в основном мои!

«Большую игру» мы начали месяц с небольшим назад. С покупки брокерской конторы. За пять миллионов долларов! И это при том, что у Билла с друзьями уже была своя собственная зарегистрированная контора. Впрочем, когда я задал этот вопрос Биллу, он сквозь зубы сообщил, что у нее нет какой-то нужной лицензии. А когда поинтересовался у Экмана насчет ее получения, он только горько усмехнулся:

– Во-первых, получение лицензии – дело долгое. Пока мы пройдем все провер...

– Да у нас еще куча времени! Август только начался... Еще больше месяца!

– У нас всего чуть больше месяца. И каждый день – на вес золота! – зло рявкнул Билл. Потом помолчал и продолжил чуть более спокойно: – И ты не знаешь американскую

финансовую бюрократию. Могу тебе сказать, что, если запустить процесс с понедельника, лицензию мы получим где-то к Рождеству. В лучшем случае – на День благодарения.

Я насупился. Мне не понравилось, что он на меня рявкнул. Нет, я могу понять – нервы, возбуждение, но я же тут главный инвестор!

– А почему тогда мы не купили чего подешевле? Были же фирмы и за полмиллиона или миллион максимум?!

– Потому что это свежие фирмы! Без истории. И им никто не даст кредитов. Или ты хочешь напрочь просрать шанс заработать, ввязавшись в дело только на свои деньги?

Если честно, я приблизительно так и думал. У меня ж уже имеются, по моим меркам, сумасшедшие деньги – чего еще надо-то? Миллиард мы, конечно, не заработаем, но миллион-двадцать – вполне. А куда больше-то? И как? Мы ж не Сорос...

– М-м-м... ну ладно, поверю тебе. Но с чего бы у нас всего полтора месяца? Ведь все произойдет только...

– Ты хочешь, чтобы тебя взяла за жабры комиссия по ценным бумагам, а то и ФБР? – перебил меня Экман.

– Н-н-нет, – опешил я. – А с чего это они должны...

– Вот и не мешай мне! – рявкнул Билл. – Ты не просто так обратился ко мне, а потому что считаешь, что я знаю, что нужно делать? Так что успокойся...

Следующие полтора месяца слились для меня в одну сплошную череду встреч, переговоров, перелетов и бесе-

дований с десятками людей. Сначала я просто тихо сидел в уголке, наблюдая, как Экман общается с людьми и-и-и... нанимает персонал. Пять человек, десять, пятнадцать, двадцать... На третьем десятке даже осторожно поинтересовался – не много ли? Им же зарплату платить, и немалую, плюс страховки там всякие. Это ж опять расходы... Слава богу, я по старой привычке задал этот вопрос в промежутке между двумя собеседованиями. То есть когда мы были наедине. Потому что Билл резко развернулся и уставился на меня каким-то странным взглядом.

– Что? – Я слегка вздрогнул.

– Действительно, чего это ты тут прохлаждаешься... – задумчиво пробормотал Экман, после чего развернулся к столу и нажал кнопку селектора:

– Мисс Гаевски! – Так звали нашу секретаршу, доставшуюся нам по наследству вместе с фирмой.

– Слушаю вас!

– Вторая переговорная свободна?

– Минуту... Да, мистер Экман.

– Подготовьте ее для мистера Маркова. И отправляйте туда половину кандидатов... – Билл отключил селектор и боднул меня взглядом: – Помнишь те вопросы, которые я задавал?

– Да, но-о-о... – я слегка смешался. Потому что вот совсем не ожидал подобного вопроса.

– Отлично! Тогда просто задавай их и записывай ответы.

Потом покажешь мне.

– А что им говорить, если спросят – нанимаем ли мы их?

– То же, что я: мы вам позвоним!

Но это еще были цветочки. А ягодки посыпались, когда мы начали общаться с банками и всякими там инвестиционными компаниями. Потому что, как объяснил мне Билл, все игроки, которые хотя бы претендуют на звание крупных, играют на заемные средства. Свои собственные деньги вкладываются в обеспечение маржинального плеча... Так что сначала мы тупо занимали у всех, до кого могли дотянуться. Причем Экман регулярно сетовал, что почти не получается занять в фунтах.

– А то дважды бы заработали...

Кое-что занять удалось. Как выяснилось, то, что через мои счета прошло шестьдесят с лишним миллионов долларов, весьма благотворно влияет на желание банков предоставить тебе кредит. Деньги к деньгам, чо... Ну, то есть со мной это благотворное влияние работало по минимуму. Потому что у меня не было в США никакой кредитной истории. Потому что я был совсем «свеженьким» налоговым резидентом и еще не имел «в анамнезе» ни единого годового отчета. Потому что я не был гражданином. И потому что мой подтвержденный доход до момента выигрыша в лотерею был достаточно низким. Но даже с учетом всех этих ограничений у меня получилось взять займы еще около десяти миллионов долларов... Нет, можно было и больше. Миллионов трид-

цать – сорок. Но, увы, более крупные суммы обуславливались целым рядом ограничений, которые нас с Биллом никак не устраивали... И кстати, Экман, не имея на счетах ничего серьезного, смог аккумулировать даже больше меня. На него сработало и наличие кредитной истории, и происхождение, и то, что здесь называется «пухлая записная книжка». Именно ради обладания ею люди так рвутся во всякие там Стэнфорды, Кембриджи, МІТы, или в ту же Гарвардскую школу бизнеса. Причем, как он мне объяснил, связь с однокашниками, большая часть которых буквально обречена на занятие в будущем достаточно крупных и важных постов в самых влиятельных и крупных корпорациях не только страны, но и мира, – это лишь один, пусть и в перспективе, наиболее важный бонус. Есть и другие. Причем часть из них начинает работать практически сразу. Например, можно позвонить своему преподавателю и попросить у него рекомендацию для обращения к какому-нибудь влиятельному лицу, окончившему твою «альма-матер» лет на десять ранее. И потому уже занимающему какой-нибудь важный пост в том или ином банке или инвестиционной компании. Или отцу однокашника, с каковым познакомился на дне рождения этого оболтуса и который может принимать решения по инвестированию миллионов долларов здесь и сейчас... Короче, возможности были. И Экман сумел их прекрасно реализовать, наглядно показав мне разницу между эмигрантом и местным. Увы, Америка ждет тебя с распростертыми объятиями

только на стройплощадках, за баранкой такси или на кассе в «Макдоналдсе». А за все, что чуть превышает эту планочку, даже среди коренных американцев идет жестокая схватка. Но у них-то есть и гражданство, и знакомства, и опыт жизни в этой стране, и связи, нарабатываемые десятилетиями. А что из этого есть у тебя, если ты эмигрант? Плохой английский с жутким акцентом? Ну-ну – добро пожаловать в самую демократичную страну мира... Но самые значимые средства Биллу удалось занять «на фирму», наглядно доказав мне правильность решения о ее покупке. Так что в игру мы вступили... с огромными долгами, в разы превышавшими весь мой выигрыш, вместе взятый. То есть считая и налоги, и те деньги, которые забрали себе организаторы лотереи... Если мы проиграем – я умру в американской долговой тюрьме! Ну или как тут у них это называется...

– Слушай, ну пора уже!

Мой партнер закатил глаза:

– Роман! Наша операция идет уже больше месяца. И все это время ты демонстрировал вполне адекватные реакции. Что ж сегодня такой нервный-то?

«Да потому что именно сегодня наступила «черная среда!» – захотелось заорать мне. Все! Последний день. Промедлим – можем потерять все! Ну, или большую часть заработанного... Но я лишь молча скрипнул зубами и отвернулся. ВСЕ! Больше! Никогда! Не! Буду! Играть! На! Валютной! Бирже! НИ-КОГ-ДА!!!

Чем больше приближался этот день – тем больше меня трясло. Тем более что все эти полтора месяца мы не только тратили, но и ТЕРЯЛИ деньги! На сделках, оказавшихся излишне рискованными, на скачках курса, на комиссиях за каждую операцию... они были небольшими – всего 0,01 %, но один минимальный лот – это около 5 тыс. фунтов или 10 тыс. долларов. Билл же все наши деньги пустил на фьючерсы с кредитным плечом от 1:5 до 1:20. Ну, какие смог взять... Причем я, идиот, еще бурчал, что, типа, «самых выгодных» с плечом 1:20 мы взяли мало... они все и улетели – обнулились при скачках курса! Маржин-колл, позиция автоматически закрывается, и вы теряете все вложенные деньги! Да тут звездануться можно! Нет, все-таки для того, чтобы заниматься трейдингом и биржевой игрой, нужен совершенно особенный склад ума и нервы толщиной с воловьей жилы...

Но при этом всю остальную работу никто не отменял. Я мотался между Нью-Йорком, Бостоном, Филадельфией и Монтаной, спал в самолетах, жрал на бегу, а лекции для курса филологии, который меня пригласили преподавать, писал вечерами в отельных номерах на новеньком NEC UltraLite, который обошелся мне в сумасшедшую сумму – 5 000 долларов. Увы, забить на них я не мог. В моих документах, позволяющих мне находиться на территории США, мое место работы было жестко зафиксировано. На переоформление же требовалось время, которого вот как раз сейчас у меня просто не было.

Впрочем, не все было сплошь плохо или напряжно. Предположение ведущего шоу из Майами насчет того, что мой выигрыш в лотерее отразится на продажах моих книг, сработало на все сто двадцать процентов. Продажи не просто скакнули вверх – они улетели в космос! Ace Books в пожарном порядке гнало допечатки всех имеющихся в их распоряжении текстов, а их юрист мотался за мной вослед, согласовывая новые контракты. Причем от моего скромного бляенья насчет того, что другие мои книжки могут быть совсем неинтересны американцам, поскольку написаны именно для русского читателя, что там свой контекст, свои, понятные только русским, аллюзии, отсылки к героям других книг, неизвестных в Америке, отметались напрочь.

– Мистер Марков, – снисходительно пояснили мне, – Америка любит везунчиков. А вы – везунчик! И если до вашего везения можно дотронуться, например, купив вашу книжку, – многие так и сделают. Даже если они не собираются прочитать из нее ни строчки.

Если честно, меня подобный подход слегка покоробил. Я тут, панимаишь, пишу, мучаюсь, ночами на сплю, а сейчас выясняется, что все, что я написал, мало кому интересно. Что им достаточно того, что вот этот тип, называющий себя русским писателем, – везунчик! Но потом плюнул. Не хотят читать – не надо. Потом подумаем, как их к этому привлечь.

К началу сентября мне нестерпимо захотелось слетать в Москву. Несмотря на то что Аленка с детьми прилетели ко

мне в конце июля. Через неделю после того, как до России дошла весть о том, что я выиграл в американскую лотерею семьдесят миллионов долларов. Но, несмотря на это, я их практически не видел. С моим-то темпом жизни... А вот дома, в Москве, мы были вместе, считай, круглые сутки. Опять же – деда давно не видел. С батей и тестем вискарика бахнуть тоже было бы хорошо. Сам я эту англосаксонскую самогонку не особенно уважал, но бате она пришлась по душе еще с тех пор, когда я притащил его из поездки в Париж, прикупив в дюти-фри «Шарля де Голля»... Но я понимал, что это желание – чисто психология. Устал я. Переоценил свои возможности и уровень собственной психологической устойчивости, вот подсознание и начало проситься «спрятаться в норку». В привычную среду. Окружить себя чем-то однозначно хорошим... Нет, я знал, что будут трудности, но почему-то считал, что не очень-то и большие. Ну я же сейчас еще в той, старой, нормальной, напрочь исчезнувшей в будущем Америке. Да и темп жизни тут еще совсем неторопливый. Плюс – я ж все знаю. Ну, что будет происходить. Так что справлюсь. Вот и справился, блин...

Основная игра началась восьмого сентября в пять часов пополудни по нью-йоркскому времени. В Лондоне в тот момент было уже девять часов вечера, так что и Лондонская биржа, и Банк Англии, и Министерство финансов Великобритании к тому моменту закончили свою работу. Но здесь, на другом побережье Атлантического океана, все были наго-

тове. Это стало понятно по тому, что уже через пятнадцать минут нашу атаку на фунт кто-то поддержал. Причем этот «кто-то» обладал куда большим ресурсом, чем мы. Потому что фунты хлынули на рынок полноводной рекой. Именно в этот момент я первый раз высунулся из окна и заорал:

– Кортес! Три хот-дога и литровую колу! – Марафон начался...

– Есть! – Билл вскочил на ноги и вскинул руки в победном жесте.

– Кхахх! Кха-кхах-кхха... – я подавился куском хот-дога, который хомячил в настоящий момент, заедая стресс, и закашлялся. Экман повернулся ко мне и окинул меня веселым взглядом.

– ...Кхах! Кха! Кхах!

– Запей. Вон в бутылке с колой еще пара глотков есть.

– А-хах, – я судорожно кивнул, вцепляясь в бутылку. – Кхах... Глык, глык... Что... Что случилось?

Билл мотнул головой в сторону экрана, на котором вместо котировок отобразился какой-то коротенький текст.

– Ламонт объявил, что они выходят из МВК! Все – они слились!

– Кто? Откуда выходит?

– Норман Ламонт, министр финансов Великобритании... Ай, неважно! Главное – они слились. – Тут он вновь опустил свою задницу в кресло и задумчиво произнес: – А знаешь, пожалуй, я не буду пока покупать фунты. Подожду еще па-

ру-тройку дней. Или чуть больше.

– В смысле?

– Поверь мне – это еще не предел падения. Фунт точно продолжит свое пике.

– Но-о-о... нам же... кредиты... – растерянно пробормотал я.

– Есть еще время, Роман, – Экман успокоительно махнул рукой. – Доверься мне. Я знаю, что делаю.

Я стиснул зубы. Черт, черт, черт! Я точно знал, что черная среда – шестнадцатое сентября. Именно в этот день Сорос и заработал свой миллиард... или нет? И миллиард за один день – это очередная байка? А на самом деле все было не совсем так? Или вообще совсем не так... да нет, насчет совсем не так – это я загнул. Точно же, что и фунт упал, и Сорос заработал. Просто, может, не за один день, а за-а-а... несколько.

– Ты уверен?

– Да, – твердо кивнул Билл. Я вздохнул и, скривившись, схватился за виски, прострелившие болью. Блин! Клянусь! Никогда! Больше! Не! Играть! На! Валютной! Бирже! Клянусь!

– А-а-а... сколько мы уже подняли? Ну, грубо.

Экман воздел очи горе и замер, наморщив лоб. Я замер.

– На данный момент миллионов тридцать грязными. Минус проценты, минус налоги... выйдет на руки миллионов четырнадцать. На двоих. Так что можешь считать, что за по-

следнюю неделю ты увеличил свой выигрыш в полтора раза. – Билл усмехнулся: – Но ведь это еще не конец! Чует мое сердце – фунт скатится не менее чем до одного доллара семидесяти центов. При том что, когда мы его продавали, он шел почти по два доллара!

– А сейчас?

– Доллар и девяносто центов! – гордо заявил Экман. – Но я тебе отвечаю – падение только началось.

По большому счету, стоило напиться, но из-за этой сволочи Билла мы все еще были в игре. А у меня с прошлой жизни было твердое правило – никогда не считать деньги, пока они еще не у меня в кармане. Ну, или на счете. Так что с выпить... да нет – выпью, но не напьюсь. И не за выигрыш, а так... малеха снять стресс. Вот зуб даю – выпью!

Но эти планы так и не реализовались. Добравшись до ставшей уже почти родной «Плазы», я поднялся в номер, чтобы переодеться и спуститься в ресторан, но, присев на кровать, понял, что я уже никуда не пойду. На хрен! Просто сил никаких... Нет, сейчас, чуть успокоившись, я утвердился во мнении, что ни о чем не жалею. Деньги, которые мы должны были получить, должны были пойти не столько на то, чтобы обеспечить моей семье безбедную жизнь – этого я, скорее всего, добьюсь и своим литературным творчеством, сколько на исследования теломерной терапии. На этот раз я собирался пожить подольше. И не один, а с любимой. Но мы с Аленкой и так уже потеряли пять лет. Потому что наиболее

выгодным возрастом начала теломерной терапии считались двадцать пять лет. А нам с ней в следующем году стукнет по тридцатнику. Ну, с разницей в полгода... И я совершенно не знал, сколько денег нужно для того, чтобы успеть хотя бы за год выйти на первый, пусть еще относительно слабый, сырой и недоработанный препарат. Везде же пишут, что на разработку и регистрацию лекарств тратятся десятки и сотни миллионов долларов! Нет, в моем случае с регистрацией можно и подождать. Уж себя и жену я даже незарегистрированными препаратами обеспечу. Тем более что, как писали, никакими серьезными вредными побочными эффектами даже не до конца очищенный экстракт не обладал. Слабой эффективностью – да. Но нам пока и того хватит. Насколько я помнил, в первый год приема препарата для достижения эффекта двукратного замедления старения использовалась капсула с содержанием активного вещества всего в тысячу единиц. Через пять лет требовалось уже три тысячи, а через десять – двадцать тысяч. Нет, можно было принимать и начальные препараты, с содержанием в тысячу, вот только уже через пять лет его эффективность падала в три-четыре раза, в зависимости от особенностей организма, а через восемь он становился полностью бесполезен. Но в странах третьего мира так случалось. Для них стандартный курс был дороговат. Считалось, что максимальный, тридцатилетний, курс могли себе позволить только двадцать процентов населения планеты. А вот десятилетний – уже восемьдесят. А потом я отру-

бился...

Завтрак я проспал. Так что пришлось заказывать еду в номер. Пока ждал официанта – прогнал свой обычный разминочный комплекс. С энергией у меня дело обстояло по-прежнему – я ее ощущал, мог немного перенаправить, причем теперь не только в ноги или легкие, но и в некоторые другие достаточно крупные части тела типа руки, спины, груди или головы. Но не в любой момент, а почти исключительно во время разминки. Ну, или максимум сразу после нее. И все. То есть никаких чудес типа дистанционного удара или чего-то похожего у меня даже близко не получалось. Но зато вроде как получалось таким образом бороться с болью. А то и чуть ускорять заживление. Как минимум поверхностных ран и ушибов. Была у меня пара случаев во время пробежек. Один раз поскользнулся на повороте и заработал вывих ступни, а второй раз звезданулся локтем о столб уличного освещения. Какой-то придурок на велосипеде из-за угла вывернулся – пришлось уворачиваться. Так вот – после того как я попробовал во время разминки направить энергии в поврежденные ступню или локоть, боль довольно быстро ушла. И не возвращалась часов шесть. А потом нужно было снова делать разминку и направлять энергию... Да и окончательное выздоровление заняло у меня, по всем прикидкам, заметно меньше времени. Как бы не раза в два, а то и в три.

После позднего завтрака я завалился на кровать и подтянул поближе телефон. Потому что решил сегодня не идти

в контору. Раз уж Билл взял все на себя – пусть теперь отдувается. А с меня хватит нервов. Да и нужно сделать несколько звонков. У меня вон на курс русской филологии аж девяносто семь человек записалось. В два раза больше, чем у Фила Киркпатрика. Отчего он теперь мне жутко завидовал и регулярно строчил на меня кляузы куда только мог. Мол, манкирую своими обязанностями, переносу лекции, до сих пор не провел ни одного семинара – а руководство мне потакает... Ну, он прав, конечно, – потакает. Вот и сейчас я валяюсь на постели в нью-йоркском отеле, а не читаю лекцию с кафедры... Но куда им деваться? Я ж звезда! Во-первых, везунчик, каких мало. Во-вторых – титулованный спортсмен. Ну и, в-третьих, – герой.

Несмотря на то что я получил свои награды, воюя на противоположной стороне, потому как США поддерживали именно моджахедов, руководство колледжа отнеслось к ним вполне уважительно. Впрочем, сейчас к рухнувшему СССР отношение здесь, по эту сторону Атлантики, было скорее снисходительным. Мол, жили в глухих лесах какие-то идиоты, которым пришла в голову идиотская мысль конкурировать с Америкой. Вследствие чего они и рухнули. Ибо иначе и быть не могло! America is the best! Но они наконец-то поумнели и сдались. Так что теперь можно и похлопать их по плечу, и даже слегка похвалить, сказав, что замах был зачетный. Типа, пусть и глупенько, но амбициозно. А мы, в США, ценим амбициозность... И это еще никто пока не знает о нашей

с Экманом авантюре. Ну, будем надеяться, и не узнает. Хотя бы какое-то более-менее долгое время. Потому что если она закончится-таки планируемым успехом, то для американцев это будет круче, чем все мои уже упомянутые регалии. Какие там золотая медаль Олимпиады или государственные награды? Забудьте! Самым большим кумиром в Америке всегда являлся человек, который умеет делать деньги!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.